

Insert this side into recorder

Do not touch

Майкл Ондатже

Английский
пациент

This side in

Букеровская премия

Лучшая книга 1992 года

АНГЛИЙСКИЙ ПАЦИЕНТ

История, которая легла в основу легендарного фильма

Девять с половиной недель

Майкл Ондатже
Английский пациент

«ЭКСМО»

1992

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

Ондатже М.

Английский пациент / М. Ондатже — «Эксмо»,
1992 — (Девять с половиной недель)

ISBN 978-5-699-93331-0

В песках пустыни бедуины находят обгоревшего летчика. Он не помнит своего имени, не знает, кто он и как сюда попал. Бедуины спасают ему жизнь, но теперь он мало похож на человека — его тело покрыто обуглившейся кожей, а лицо невозможно узнать. Для всех он просто «английский пациент» — человек без лица и без имени. После переправки в разрушенную войной Европу английский пациент оказывается на заброшенной итальянской вилле на попечении молодой медсестры Ханы. Она отказывается уезжать с другими медсестрами и остается ухаживать за ним. Умиравший пациент рассказывает Хане историю его любви к замужней женщине, трагическую и невероятную...

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-699-93331-0

© Ондатже М., 1992
© Эксмо, 1992

Содержание

I. На вилле	6
II. Безучастный к жизни	17
III. А может, стану я огнем	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Майкл Ондатже

Английский пациент

Michael Ondaatje
THE ENGLISH PATIENT

© Кротовская Н. Г., перевод на русский язык, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э»», 2017

* * *

В память о Скипе и Мэри Дикинсон

Посвящаю Квентину и Гриффину, а также Луизе Деннис с благодарностями

«Многие из вас, я уверен, помнят трагические обстоятельства смерти Джеффри Клифтона в Гильф-эль-Кебуре, за которой последовало таинственное исчезновение его жены Кэтрин Клифтон. Это случилось в 1939 году во время экспедиции в пустыне в поисках затерянного оазиса Зерзура.

Не могу начать наше нынешнее заседание, не выразив соболезнования по поводу тех трагических событий.

А тема нашей лекции сегодня...»

Из протокола заседания Географического общества в ноябре 194... года, Лондон.

I. На вилле

Девушка работает в саду. Сильный порыв ветра, от которого колыхнутся высокие стройные кипарисы, заставляет распрявиться. Она вглядывается в даль. По всему видно, погода изменится: ветер гонит по небу тучи, слышны отдаленные раскаты грома, в воздухе пахнет грозой. Девушка поворачивается, идет вверх по тропинке к дому. Не успевает перелезть через низкую стену, как первые капли дождя падают на обнаженные руки. Проходит через лоджию и оказывается в доме.

Не задерживаясь на кухне, поднимается по темным ступенькам и идет по длинному коридору, в конце которого из приоткрытой двери пробивается полоска света.

Войдя в комнату, вновь оказывается в саду из деревьев и кустов, на этот раз – не настоящих, а нарисованных на стенах и потолке. На кровати лежит мужчина. Простыни откинуты, тело обдувает легкий ветерок. Услышав, что кто-то вошел, он медленно поворачивает голову.

Раз в четыре дня она обмывает его обгоревшее тело, начиная со ступней. Намочив водой салфетку, осторожно прикладывает к ногам, наблюдая, как он что-то бормочет от удовольствия, радуясь его улыбке. Выше колен ожоги сильнее: до мяса, до кости.

Она выхаживает его уже несколько месяцев – и знает каждую клеточку обгоревшего тела, пенис, похожий на спящего морского конька, стройные упругие бедра. Как у Христа, думает девушка. Он, ее безнадежный святой, лежит на спине, без подушки, и смотрит в потолок: на нарисованную листву и причудливые, шатром нависающие ветви, а над ними – голубое небо.

Она наносит полосками каламин¹ на его грудь: туда, где ожоги не такие сильные и можно дотронуться. Ей нравится касаться впадины под самым нижним ребром. Дойдя до плеч, нежно дует ему в шею, и он что-то невнятно бормочет в ответ.

– Что? – спрашивает девушка, очнувшись от раздумий и возвращаясь в реальный мир.

Он поворачивается к ней обгоревшим лицом. Серые глаза смотрят пристально. Из кармана платья она достает сливу, зубами снимает кожицу и кладет сочную мякоть ему в рот.

Он снова что-то шепчет, погружаясь в глубокий колодец воспоминаний, которые мучают его с тех пор, как он умер для всех. Он увел с собой эту девушку с чутким сердцем, молодую медсестру – в мир, куда зовет память.

Иногда мужчина тихо рассказывает ей истории, всплывающие из небытия. Он просыпается в нарисованной беседке из зелени, кругом цветы, огромные ветви деревьев. Это вновь навевает воспоминания: пикники, женщина, целующая его тело, сейчас похожее на обгоревшую головешку.

– Я неделями пропадал в пустыне, забывая даже взглянуть на Луну, – рассказывает он, – как иной женатый мужчина может жить рядом с женой и не замечать ее. Не потому, что не любит или игнорирует ее, а потому, что занят чем-то очень важным, требующим полной отдачи; нельзя осуждать его за это.

Мужчина внимательно следит за лицом девушки. Если она посмотрит на него, отводит взгляд в сторону. Она наклоняется к нему.

– Что с вами случилось? Как это произошло?

Время за полдень. Он гладит тыльной стороной кистей край простыни, пальцы нежно касаются ткани.

¹ Лосьон, состав для примочек или мазь, содержащие каламин (розовый порошок, смесь карбоната цинка и оксида железа), применяющиеся в медицинской практике для ухода за обожженной поверхностью тела. – *Здесь и далее примечания редактора, если не оговорено иное.*

– Мой самолет загорелся и упал в пустыне. Люди нашли меня и, сделав носилки из палок, тащили через всю пустыню. Мы были в районе Песчаного Моря, о чем свидетельствовали пересохшие русла рек. Это были кочевники, номады. Вы слышали о них? Бедуины. Когда самолет упал, горел даже песок. Они увидели меня, беззащитного в сжирающем пламени, привязали ремнями к носилкам, соорудив что-то вроде лодки, и побежали. Я, нарушивший покой пустыни, слышал глухие звуки их шагов.

Горящий самолет не был для бедуинов в диковинку: с 1939 года они видели, как аэропланы загорались в небе и падали в пустыню. Некоторые орудия труда и кухонную утварь они делали из металла сбитых самолетов или брошенных искалеченных танков. Это было время войны в небе. Люди научились различать звук сбитого самолета и могли безошибочно найти дорогу к месту падения. Порой маленький болтик из кабины становился сокровищем. Но, вероятнее всего, я был первым пилотом, который вышел живым из огня – с головой, обьятой пламенем. Они не знали моего имени. А я не знал, из какого они племени.

– Кто вы?

– Не знаю. Вы все время спрашиваете меня об этом.

– Вы говорили, что англичанин.

Когда наступает ночь, он не может заснуть. И тогда девушка читает какую-нибудь книгу из тех, что удастся найти в чудом уцелевшей библиотеке внизу. Дрожащее пламя свечи освещает страницы и лицо молодой медсестры, играя загадочными тенями в листве нарисованных на стене деревьев. Он слушает, впитывая каждое слово, как живительную влагу.

Если ночью холодно, она спит на его постели – рядом, но стараясь не задеть его даже рукой, потому что это причинит боль.

Иногда он не может заснуть до двух часов ночи и лежит, глядя в темноту.

Даже с завязанными глазами он мог с уверенностью сказать, что они пришли в оазис. Он чувствовал это по характерным приметам: по влаге в воздухе, шелесту пальмовых листьев и бряцанью конских уздечек; по приглушенному стуку ставящихся на песок жестяных ведер, наполненных водой.

Бедуины пропитали маслом большие куски мягкой ткани, которые накладывали на его лицо, руки, тело.

Он ощущал присутствие одного молчаливого человека, постоянно находившегося рядом; чувствовал его дыхание, когда тот наклонялся, меняя повязки и осматривая его кожу в темноте.

Когда снимали повязки, он, голый, снова чувствовал себя беззащитным перед полыхающим в огне самолетом. Его завернули в несколько слоев войлока. Интересно, что же это за племя? В какой стране растут такие мягкие финики, которые бедуин, находящийся рядом, сначала разжевывал сам, а потом клал ему в рот? Тогда, среди аборигенов, забылось, откуда он сам. Возможно, его сбил в воздушном бою умелый противник.

Позже, в госпитале в Пизе, каждую ночь мерещилось лицо бедуина, который разжевывает финики и кладет ему в рот.

То были ночи мрака: он не слышал ни разговоров, ни песен. Бедуины замолкали, когда он просыпался. Он возлежал в гамаке и мысленно тешил тщеславие, представляя сотни суетящихся вокруг него бедуинов, а среди них, возможно, и тех двоих, которые нашли его и сорвали с головы шлем, обьятый языками пламени. Тех двоих, которых он мог узнать только по вкусу слюны от разжеванного финика и по глухому звуку бегущих ног.

Девушка сидит, читая при дрожащем свете лампы-керосинки, время от времени бросая взгляд сквозь дверной проем в длинный коридор виллы, в которой до этого размещался военный госпиталь. Здесь она жила с другими медсестрами до того, как все уехали, потому что фронт передвинулся на север, и война приблизилась к концу.

Читая английскому пациенту по вечерам, она открыла для себя новый мир – мир книг, который позволял забыть о затворничестве и стал нитью, связывающей с внешним миром. По ночам, склонившись над столом, она читала о молодом юноше-сироте из Индии, который учился запоминать с одного короткого взгляда разрозненные драгоценные камни и иные предметы, лежащие на подносе, разговаривать на разных диалектах, тренировать разум и волю, не поддаваться гипнозу².

Книга лежала на коленях. Вдруг она поняла, что уже пять минут неотрывно смотрит на семнадцатую страницу, где кто-то загнул угол, словно какой-то знак. Разгладила страницу рукой. Что-то быстро пронеслось в памяти, словно мышь по чердаку над потолком или мотылек в ночном окне. Девушка снова посмотрела в коридор, хотя кого она могла там увидеть? Ведь кроме нее и английского пациента, никто не живет на этой вилле Сан-Джироламо. С голоду они не умрут, ибо в развороченном бомбами фруктовом саду над домом она посадила немного овощей, а из соседней деревни время от времени наведывался мужчина, которому она меняла мыло, простыни или еще что-нибудь, оставшееся от военного госпиталя, на продукты: фасоль или мясо. Однажды мужчина принес даже две бутылки вина, и тогда каждую ночь, дождавшись, пока англичанин уснет, девушка осторожно выскальзывала из-под одеяла, торжественно наполняла небольшую мензурку, садилась за столик напротив приоткрытой двери и продолжала читать книгу, отхлебывая вино маленькими глотками.

Поэтому англичанину, когда следующим вечером она снова читала вслух, пропустив свои ночные куски, наверное, трудно было следить за сюжетной линией, которая время от времени прерывалась, – да и вникал ли он в повествование?

Вилла, в которой они нашли свое пристанище, очень напоминала такую книгу с недостающими главами. В некоторые комнаты было невозможно войти, потому что вход был завален камнями. Внизу располагалась библиотека, которую через дыру от тяжелого снаряда то и дело заливал дождь, а по ночам туда попадал лунный свет. В углу стояло вечно промокшее кресло.

Ее не особенно волновало, что англичанину доводится слушать не всю книгу подряд. Она не пересказывала содержание той части, которую прочитала одна. Просто приносила книгу и говорила «страница девяносто шесть» или «страница сто одиннадцать». Это было единственным вступлением к чтению. Она брала его руки и, поднеся к лицу, вдыхала их запах – запах болезни.

- Кожа на ваших руках загубела, – однажды сказал он.
- Это от работы в саду, от сорняков и колючек.
- Будьте осторожны. Я предупреждал, что будет трудно.
- Я знаю.

Затем она начала читать.

Это отец рассказал ей о том, что по запаху рук можно определить состояние здоровья человека. А еще интереснее говорил о собаках. Всякий раз, оставаясь один дома, он наклонялся к собаке и вдыхал запах подушечек лап. Любил повторять, что это самый чудесный запах в мире – и действует почище глотка бренди. А какой букет! Увлекательные рассказы о путешествиях! Она делала вид, что ей неприятно, но лапы *действительно* были чудом: они никогда не имели запаха грязных мест. «Конечно, пес побывал возле церкви! – говорил отец. – А потом в саду...» Потом дорога шла через высокую траву, цикламены – по запаху можно было догадаться обо всех путях и дорожках, которые прошли эти лапы за день.

Что-то похожее на мышь пронеслось по перекрытию над потолком, и она снова оторвала взгляд от книги.

² Имеется в виду роман Редьярда Киплинга «Ким».

Наступил день солнечного затмения, который они ждали. Сняли с его лица маску из трав. Где он? И что это за цивилизация, которая умеет предсказывать погоду и затмения? Если взять за ориентир Эль-Ахмар (или Эль-Абьяд³), это, должно быть, одно из северо-западных племен пустыни – люди, которые смогли найти пилота, упавшего с неба, и наложить на лицо маску, сплетенную из трав.

На нем был покров из травы. Его самым любимым местом были травяные луга в Кью⁴, где краски так нежны и разнообразны.

Напрягая зрение, человек попытался хоть что-то рассмотреть в полутьме. К тому времени они уже научили его простирать руки к небу, чтобы вобрать жизненную энергию из Вселенной. Его перетаскивали на носилках, сделанных из войлока и веток. Высоко в небе, около закрытого Луной солнечного диска, были видны медленно движущиеся вереницы фламинго.

Он чувствовал, как на его кожу постоянно накладывали мази – и наступала темнота. Однажды ночью он услышал высоко в воздухе звук, похожий на перезвон колокольчиков на ветру. Через некоторое время звук прекратился, и он заснул с желанием услышать его снова – странный звук, напоминающий крик снижающейся птицы (может быть, фламинго?) или лисы пустыни, которую один из бедуинов носил в кармане бурнуса.

На следующий день, когда он снова лежал, обернутый тканью, вновь услышал эти звуки. Когда наступили сумерки и с него сняли войлок, вдруг показалось, что приближается голова мужчины на столе, но затем он понял, что мужчина нес на плечах огромных размеров коромысло, к которому на нитях разной длины были привязаны сотни маленьких бутылочек. Двигаясь, человек словно находился в центре стеклянного занавеса, издающего мелодичные звуки.

Фигура мужчины напоминала одного из архангелов, которых он пытался рисовать в детстве, недоумевая, как в таком маленьком теле могут уместиться такие сильные мышцы для огромных крыльев. Движение было медленным и осторожным, так что бутылочки почти не раскачивались. Архангел взмахивал крылом, доставая нужную бутылочку, и накладывал на кожу мази, согретые солнцем – специально для облегчения ран. За спиной у него было свечение – синие и другие оттенки, дрожащие в дымке и на песке. Он помнит слабый перезвон стеклянных бутылочек, разнообразные цвета, царственную походку мужчины и лицо, похожее на плоский темный приклад ружья.

На всем караванном пути из Судана в Гизу, который назывался Дорогой Сорока Дней, его хорошо знали. Он встречал караваны, торговал пряностями и напитками и странствовал от оазиса к оазису. В стеклянном оперении из бутылочек шел он сквозь песчаные бури, и уши были заткнуты такими же пробками, как и бутылочки, так что и сам себе он казался одним из своих сосудов, этот врачеватель-купец, повелитель мазей, притирок и лекарств от всех болезней, этот баптист. Он сам приходил к тому, кто нуждался в его помощи, и раскрывал перед ним свой стеклянный занавес.

Раскинув крылья, он постоял над обгоревшим телом, после чего воткнул глубоко в песок две палки и, положив на них двухметровое коромысло, освободился от своей ноши, чтобы приняться за работу. Подошел к обожженному летчику, опустил на колени и, положив холодные ладони на его шею, какое-то время сидел не двигаясь.

Затем, соединив подошвы ног, сделал из них подобие чашечки. Откинувшись назад и даже не глядя на бутылочки, нашел нужные. Вытащив зубами пробки и держа их во рту, он смешивал содержимое в импровизированной чаше. Запахи вырвались на волю: моря, ржавчины, индиго, чернил, речной тины, крушины, формальдегида, парафина, эфира. Потoki

³ Мыс Эль-Абьяд (Энгела, Рас-Энгеля) – самая северная точка Африки.

⁴ Кью-Гарденс – большой Королевский ботанический сад в западной части Лондона. – *Прим. пер.*

воздуха подхватили их и разнесли по округе, и, почуяв аромат, вдалеке заревели верблюды. Он начал втирать в кожу на груди пациента пасту зелено-черного цвета. К ней был примешан порошок из растолченной кости павлина, который он выменял в одном из старых поселений к западу или к югу отсюда, зная, что это самое сильнодействующее целительное средство при ожогах.

Дверь между кухней и полуразрушенной часовней вела в библиотеку овальной формы. Внутри ничто не напоминало об опасности, кроме огромной глубокой дыры в дальней стене – следа от артобстрела двухмесячной давности. В общем, комната уже свыклась с этой раной, молчаливо принимая и вбирая в себя капризы погоды, свет вечерних звезд и голоса птиц. В библиотеке были диван, рояль, накрытый серой простыней, чучело медвежьей головы на стене и полки с книгами до самого потолка. Полки, расположенные ближе к развороченной стене, разбухли от дождя и согнулись под тяжестью книг. Молния была частой гостьей в этой комнате, нанося краткие визиты и освещая зачехленный рояль и ковер.

В дальнем углу находилась застекленная створчатая дверь, забитая досками. Если бы она была открыта, из библиотеки можно было бы попасть в лоджию, потом, спустившись по тридцати шести шатким ступенькам вниз, пройти мимо часовни туда, где когда-то красовался луг; сейчас это место избороздили рубцы от зажигательных бомб и фугасок. При отступлении немцы заминировали многие дома, поэтому ради безопасности двери в остальные неиспользуемые комнаты тоже были забиты.

Девушка знала, какие опасности могут подстергать в темноте библиотеки. Внезапно ощутив тяжесть своего веса на дощатом полу, снова подумала, что этого могло бы хватить, чтобы привести в действие механизм заложенной где-нибудь под полом мины. И тогда все, что останется от нее, – яркая вспышка от взрыва и рваная дыра в потолке.

Подойдя к полке, с трудом вытащила из массы слипшихся книг одну. Усилия были вознаграждены яркой обложкой с аквамариновым небом, озером и индейцем на переднем плане. В полумраке комнаты прочла название – «Последний из могикан». Затем, словно боясь побеспокоить кого-то, пошла назад, осторожно наступая в свои же следы в целях безопасности, а может, придумав для себя игру в невидимку. Закрыв дверь, поставила доски – сигнал предупреждения – на место.

В комнате английского пациента девушка села в нише окна, на границе разрисованных стен с одной стороны и долины, расстилающейся внизу – с другой. Открыла книгу. Страницы слиплись от влаги, и она почувствовала себя Робинзоном Крузо, нашедшим утонувшую книгу, которую волны выбросили на берег, а солнце высушило на песке. «Повествование о 1757 году. Иллюстрации Н. С. Виета». Как во всех хороших книгах, в этой был список иллюстраций, и под каждой – строчка из текста.

Она погрузилась в чтение, зная, что это закончится ощущением, будто прожит кусок чужой жизни, сотканной из событий, протянувшихся на двадцать лет; тело будет казаться переполненным грустью, смущением и досадой, словно она проснулась с чувством тяжести оттого, что не может вспомнить, что приснилось.

Этот небольшой итальянский городок на холмах, стоящий на страже северо-западного направления, находился в осаде более месяца. Заградительный огонь был сконцентрирован на двух виллах и мужском монастыре, окруженных яблочными и сливовыми деревьями. Одной из них была вилла Медичи⁵, где жили генералы. А как раз над ней, выше по склону, располагалась вилла Сан-Джироламо, где прежде был женский монастырь, толстые надежные стены которого сделали ее последним оплотом германской армии. Здесь размещались

⁵ Медичи – флорентийский род, игравший важную роль в средневековой Италии. С 1434 по 1737 г. (с небольшими перерывами) правили Флоренцией.

сто человек. Когда здания городка начали разлетаться на части от взрывов, как корабли в морской битве, солдаты перебазировались из походных палаток в саду в уже переполненные комнаты старого женского монастыря. Была разрушена часовня. Стены верхнего этажа обвалились. Когда этот дом наконец перешел в руки союзников и здесь определили место прифронтовому госпиталю, лестница на третий этаж уже вела в никуда, хотя сохранились части трубы и крыши.

При эвакуации госпиталя на юг, в более безопасное место, она и англичанин категорически отказались ехать со всеми и настояли на том, чтобы остаться здесь. На вилле было холодно, отсутствовало электричество. В некоторых комнатах, выходящих окнами на долину, разрушены стены. Часто, открыв дверь в какую-нибудь из комнат, она видела пригнувшуюся в углу кровать, промокшую от дождя и заваленную листьями. А иногда дверь вела просто в долину, потому что комнаты уже не было. В некоторых оставшихся гнездились птицы.

На лестнице не хватало нижних ступенек, поэтому девушка принесла из библиотеки двадцать книг и, положив одна на одну, восстановила две ступеньки. Согреваясь в холодные дни, они сожгли почти все стулья. Правда, в библиотеке еще оставалось кресло, но оно было всегда сырым, насквозь промокшим от вечерних ливней, которые хлестали через дыру в стене. Лишь сырой мебели удалось избежать участи быть сожженной в тот апрель 1945 года.

В доме оставалось мало кроватей. У нее не было личной спальни, нравилось кочевать по дому со своим соломенным матрацем или гамаком, располагаясь на ночлег то в комнате английского пациента, то в коридоре, что зависело от погоды, ветра или света. Утром сворачивала матрац и перевязывала бечевкой. Уже потеплело, и она открывала комнаты, впуская теплый воздух и солнечный свет, чтобы проветрить темные углы и просушить помещение.

Иногда ложилась там, где вообще не было стен: стелила матрац на самом краю комнаты, засыпая под скоплениями звезд и плывущими в небе облаками, просыпаясь от раскатов грома и бликов молнии. Девушке было всего двадцать лет, и хотя бы в такие минуты хотелось быть безрассудной, беспечной и не думать об опасностях типа заминированной библиотеки или внезапного грохота грома, который испугал среди ночи. Она устала от затворничества в замкнутом пространстве долгими холодными месяцами; нестерпимо хотелось простора. Она входила в грязные комнаты со сгоревшей мебелью, где жили солдаты, выгребала листья, вымывала следы от испражнений и выскребала обуглившиеся столы. Жила как бродяга, в то время как английский пациент покоился на своем ложе как король.

Наружная лестница со свисающими перилами была разрушена, и со стороны могло показаться, что на вилле никто не живет. Это было им на руку, так как обеспечивало относительную безопасность и защиту от бандитов, которые уничтожали все, что попадалось на пути. Она выращивала в саду овощи, а свечу зажигала только ночами – по необходимости. Тот простой факт, что вилла казалась грудой безжизненных развалин, защищал их; она, еще не женщина и уже не ребенок, чувствовала себя здесь в безопасности. Хлебнув из ковша тягот и горестей войны, девушка решила, что больше ее не заставят выполнять приказы и служить на благо всего прогрессивного человечества. Она будет служить одному человеку и ухаживать за ним – обгоревшим пациентом: читать, обмывать, делать инъекции морфия... И посвятит ему всю себя. В саду она сделала несколько грядок. Нашла у разрушенной часовни двухметровый крест и поставила на огороде, повесив на него пустые консервные банки, которые дребезжали на ветру и отпугивали птиц. Пройдя по дорожке, мощенной булыжником, оказалась в келье без окон, где хранила аккуратно упакованный чемодан. Там было несколько писем, пара сложенных платьев и металлическая коробка с медицинскими инструментами. Она уже расчистила малую часть виллы и могла все это сжечь, если захочет.

Чиркнув спичкой в темном коридоре, она зажигает фитиль свечи. Пламя поднимается до уровня плеч. Поставив свечу на пол, девушка садится и, обхватив колени руками, вдыхает запах серы. Ей кажется, что вместе с запахом в нее входит свет.

Отойдя на несколько шагов назад, кусочком белого мела она чертит прямоугольник на деревянном полу. Затем, отодвигаясь все дальше назад, рисует еще несколько прямоугольников, и вот уже на полу целая гроздь: один, потом двойной, потом снова один... Опершись на левую руку, она рисует с серьезным видом, опустив голову вниз. Прямоугольников все больше, пламя свечи все дальше. Некоторое время неподвижно сидит на собственных пятках.

Девушка роняет кусок мела в карман платья, затем встает, подбирает юбку и подтыкает на талии. Достав из другого кармана металлическую битку, бросает ее перед собой так, что та падает на самый отдаленный прямоугольник.

С силой прыгает вперед, тень корчится за ней в глубине коридора. Она перепрыгивает из квадрата в квадрат, ударяя подошвами теннисных туфель в номера, которые написаны в каждом прямоугольнике; прыг-скок, прыг-скок – на одной, потом на двух, и так дальше, пока не доходит до последнего прямоугольника.

Наклонившись, поднимает с пола битку, застывает в этом положении – с подоткнутой за пояс юбкой, с опущенными вдоль тела руками – и тяжело переводит дыхание. Набрав в легкие воздуха, задувает свечу.

Теперь ее окружает темнота, в которой чувствуется запах дыма.

Она подпрыгивает снова и, повернувшись в воздухе, двигается в обратном направлении, прыгая быстрее и стараясь попасть в «классики». Звонкие хлопки подошв гулким эхом разносятся по длинному коридору к дальним углам заброшенной итальянской виллы и дальше – в ночь, освещенную луной, к скалам в ущелье, которые полукругом обрамляют дом.

Иногда по ночам английский пациент ощущает легкую дрожь дома и слышит шум, похожий на хлопки. Он напрягает слух, пытаясь определить, что это за шум и откуда он.

С маленького столика у его кровати она берет книгу небольшого формата, которую он пронес сквозь огонь. Это – экземпляр «Историй» Геродота⁶. Его страницы прекрасно уживаются с наблюдениями и заметками, которые английский пациент записывал между строчками, а также с рисунками и листами из других изданий, вырезанными и вклеенными сюда.

Она начинает читать, с трудом разбирая его мелкий угловатый почерк.

Есть постоянные ветры, досаждающие людям и сегодня. В Южном Марокко, например, бывает смерч, *аджеджд*, от которого феллахи защищаются ножами. А еще известен *африко*, иногда доходящий даже до Рима. *Алм* – ветер с ливнем из Югославии. *Ариффи*, прозванный также *ареф* или *риффи*, обжигает своими многочисленными языками.

Но есть и другие ветры, более изменчивые, способные сбить с ног лошадь, повергнуть наземь всадника и, развернувшись, устремиться в обратном направлении. *Бист роз* налетает на Афганистан и бушует в течение 170 дней, сметая и погребая заживо целые деревни. В Тунисе есть горячий сухой *гибли*; он крутится, и крутится, и крутится – и очень странно влияет на нервную систему. *Хабуб* из Судана – пыльная буря в виде ярких стен из желтого песка высотой до тысячи метров – сопровождается дождем. *Харматтан*, который дует, дует и в конце концов тонет в Атлантике. *Имбат* – морской бриз в Северной Африке.

Некоторые ветры похожи на тоскливый вздох небес. Ночные пыльные бури, которые приносят холод. *Хамсин*, пыльный ветер Египта с марта по май. Его название в переводе

⁶ Геродот (между 490 и 480 – ок. 425 гг. до н. э.) – древнегреческий историк, прозванный «отцом истории».

с арабского означает «пятьдесят», потому что он хозяйничает в течение пятидесяти дней и считается «девятой казнью египетской». *Дату* с Гибралтара несет ароматы и благоухание.

Есть еще тайный ветер пустыни, название которого никто не узнает, так как король приказал стереть его из памяти, когда от этого ветра погиб его сын. *Нафхат* – несется из Аравии, *меццар-ифоулоу-зеп*, яростный холодный, приходит с юго-запада; бедуины называют его «тот, что ошипывает перья». *Бешабар* – темный и сухой северо-восточный ветер с Кавказа – «черный». *Самизель* из Турции, «яд и ветер», часто используемый в сражениях. Помогали древним полководцам и другие «ядовитые ветры» – например, *самум* в Северной Африке или *солано*, который срывает и несет с собой лепестки редких растений, вызывающих головокружение.

Есть еще особые ветры.

Они хищниками рыщут по земле. Сдирая краску, валя на землю телеграфные столбы, переворачивая камни и отрывая головы статуям.

Хармагган властвует в Сахаре и состоит из красной пыли – красной, как огонь, и мелкой, как мука, которая забивает ружейные затворы. Моряки прозвали его «морем тьмы». Красные песчаные туманы доносились далеко на север, к Корнуоллу и Девону⁷. Дожди, с которыми этот песок падал на землю, люди принимали за кровь. «Широко сообщалось о том, что в Португалии и Испании в 1901 году выпали „красные“ дожди».

Мы даже не подозреваем о том, что воздух наполнен миллионами тонн песка, как земля – миллионами кубометров воздуха. Не приходит в голову, что в земле обитает больше живых существ (например, червей и жуков), чем на ее поверхности. Геродот пишет об исчезновении нескольких армий, которых поглотил самум. Один народ даже «был настолько приведен в ярость этим злым ветром, что объявил ему войну и отправился в поход в полном вооружении с поднятыми мечами только для того, чтобы быть быстро и полностью втертым в землю».

Пыльные бури бывают трех видов. Вихрь. Столб. Стена. В первом случае не видно горизонта. Во втором вас окружают «вальсирующие джинны». В третьем «встает медно-красная стена, и кажется, что все объято пламенем».

Девушка поднимает голову от книги и замечает, что он смотрит на нее. Затем отводит глаза в темноту и начинает рассказ.

У бедуинов были свои причины для того, чтобы сохранить мне жизнь. Видите ли, я мог быть им полезным. Когда самолет потерпел аварию в пустыне, кто-то сказал им, что я не простой летчик, но и кое-что умею – например, по очертаниям на карте определить, какой это город. Я из тех, кто, оказавшись один в чужом доме, направляется к книжному шкафу, достает книгу и читает, забыв обо всем. Так вбирается в себя история. Я помнил карты морских глубин, расположения слабых мест земной коры, схемы маршрутов крестовцев, начертанные на телячьих шкурах...

Поэтому места эти были мне знакомы еще до того, как самолет упал туда. Я знал, когда эту пустыню пересек Александр Македонский, движимый благородными мотивами или алчностью. Понимал обычаи кочевников, одержимых шелком и колодцами. Одно племя выжгло дно долины до черноты, чтобы повысить конвекцию и тем самым вероятность дождя, и возвело высокие сооружения, чтобы проткнуть чрево облака. Было и другое племя (и не одно), люди которого протягивали руки ладонями вперед, отстраняя от себя ветер. Они верили: если сделать это в нужный момент, можно направить ветер в иную часть пустыни – к иному, менее благословенному племени, которое было в немилости...

В пустыне легко потерять ощущение реальности. Когда самолет упал в эти желтые волны, единственной мыслью было: я должен построить плот.

⁷ Графства на крайнем юго-западе Англии, между Бристольским заливом и проливом Ла-Манш. В некоторых источниках называются Корнуэлл и Девоншир.

...Я должен построить плот.

И здесь, в сухих песках, было ясно, что меня окружали люди воды.

В Тассили⁸ видел наскальные рисунки тех времен, когда на месте Сахары лежало море, а люди плавали на лодках из тростника. В Вади-Сура⁹ обнаружил пещеры с наскальными изображениями пловцов. Там было когда-то озеро. Я мог нарисовать его контуры на стене, а мог – отвести людей к его береговой линии, оформившейся шесть тысячелетий назад.

Попросите моряка описать самое древнее известное парусное судно, и он расскажет о трапециевидном парусе, который свисал с мачты тростниковой лодки – такие я видел на наскальных рисунках в Нубии, относящихся еще к дофараоновской эпохе. В той пустыне до сих пор археологи находят гарпуны. Там действительно была вода. Даже сейчас караванные пути похожи на реки, хотя вода здесь – редкая гостья. Вода сейчас в изгнании. Перенесенная в эти места в банках и флягах, она, словно призрачное видение, исчезает в руках и во рту.

Когда я оказался среди них и не мог определить, где нахожусь, все, что было нужно – название небольшого горного хребта, или местный обычай, или любая маленькая частичка доисторического животного¹⁰, – и карта окрестного мира была бы восстановлена в памяти.

Что мы знали об этих районах Африки? То, что долина Нила превратилась в поле сражений, простирающееся на полторы тысячи километров в глубину пустыни. Восемь тысяч людей на быстроходных танках, бомбардировщиках средней дальности «Бленхейм», в гладиаторских боях на бипланах. Казалось, вся Европа воевала в Северной Африке. С кем они сражались? И кто защищал эти места – плодородные земли Киренаики, соленые болота Эль-Агейла?

Накрыв летчика тканью, пропитанной маслом, а сверху плащом, бедуины несли его по пустыне пять дней.

Это был путь во мраке.

Внезапно он почувствовал, что температура упала. Они пришли в долину, окруженную высокими красными скалами. Здесь находился лагерь остатков племени людей воды, которое доживало свой век среди песка, пропадая в нем, как вода (а их голубые одежды были похожи на струи молока или крылья). Они сняли с него мягкую ткань, которая прилипла к телу. Как и тысячу лет назад, высоко в небе парили канюки, плавно снижаясь к горной расщелине...

Утром его понесли в дальний конец глубокого ущелья. Теперь люди разговаривали громко, и из разговора он понял, что там находился склад оружия. Потому-то он был нужен им.

Глаза были завязаны, поэтому он не видел, где остановились. Его руку открытой ладонью прижали к металлическому стволу какого-то огнестрельного оружия, затем отпустили. Голоса умолкли. Его доставили туда, чтобы определить тип оружия.

– Двенадцатимиллиметровый пулемет «Бреда». Италия.

Оттянул затвор, проверил пальцем патронник – пустой, затем, отпустив затвор, нажал на спусковой крючок. Раздался щелчок.

– Отличный пулемет, – пробормотал он.

Его понесли дальше.

⁸ Имеется в виду Тассилип-Аджер, плато в Центральной Сахаре с наскальными изображениями разного времени (с 8-го тысячелетия до н. э.). Не следует путать его с плато Тассилип-Ахаггар, находящимся южнее нагорья Ахаггар, тогда как Тассилип-Аджер расположено к северо-востоку от этого нагорья. Детальное обследование рисунков и неолитических орудий и керамики провела французская экспедиция А. Лота в 1956–1957 гг.

⁹ Вади-Сура – одна из сухих долин в пустынях Северной Африки. Вади, или уэд, – общее название таких долин в арабском языке.

¹⁰ Намек на принцип «корреляции органов», установленный французским зоологом Жоржем Кювье.

– Ручной пулемет «Шаттелеро» калибра семь с половиной. Модель 1924 года. Франция.

– Авиационный пулемет МГ-15 калибра семь и девять десятых. Германия.

Его подносили к каждому виду оружия, которое, казалось, было собрано из разных времен и стран – своеобразный музей в пустыне. Осторожно смахнув пыль, проводил ладонью по очертаниям ложа и магазина или дотрагивался пальцем до прицела, называл калибр, и его несли дальше.

Он насчитал восемь видов оружия, которые опознал, громко называя сначала по-французски, а потом на их родном языке. Но что они в этом понимали и зачем это было нужно? Возможно, не столько важно было название, сколько сам факт, что сбитый летчик действительно разбирается в огнестрельном оружии.

Его снова взяли за запястье и погрузили руку в ящик с боеприпасами. Справа был еще один, с патронами, на этот раз – семимиллиметровыми.

В детстве его воспитывала тетя. Он хорошо помнит, как, рассыпав на лужайке колоду карт лицом вниз, учила мальчика играть. Каждому разрешалось перевернуть только две карты, а потом по памяти нужно было постепенно восстановить пары. Но все это происходило в другом мире – среди ручьев, в которых играла форель, и лугов, залитых пением птиц. Можно было узнать их по голосам: то был мир, полный названий.

А сейчас, с маской из трав на лице, он выбирал патрон, указывал, к какому оружию его поднести, вставлял, двигал затвором и, подняв дуло вверх, стрелял в воздух. Звук выстрела отдавался в ущелье безумным грохотом. «*Эхо – это душа голоса, пробуждающаяся в пустоте*». Мужчину, который когда-то написал эти строки в стенах одной английской больницы, считали нелюдимым и немного не в себе. Но летчик в пустыне был вполне нормальным и сохранил здравость ума; с такой же легкостью, как когда-то подбирал пары карт и подбрасывал их в воздух, улыбаясь тетушке, теперь находил на ощупь подходящие патроны для каждого типа пулемета и разряжал их в воздух, а его зрители, которых он не видел, отвечали на каждый выстрел одобрительными возгласами.

Следом шел бедуин и процарапывал ножом одинаковые шифры калибров на ящиках с патронами и стволах. А пленник был рад движению и оживлению после стольких дней неподвижности и уединения. Своими знаниями он расплатился за то, что они спасли его, пусть даже не бескорыстно.

В некоторых селениях совсем нет женщин. Слух о его исключительных знаниях, которые могут принести пользу, проносится от племени к племени. Восемь тысяч аборигенов, и каждый – индивидуальность. Он прикасается к особенной музыке и особенным обычаям. Слышит ликующие песни племени мзина, воздающие хвалу воде, танцы *дахия*, звуки дудок, которыми пользуются, чтобы предупредить об опасности, двойных флейт макруна (одна из которых звучит монотонно, как басовая трубка волынки). А затем другая деревня – на этот раз территория пятиструнных лир. Каждое новое селение или оазис полон своих прелюдий и интерлюдий. Хлопки в ладоши. Молчаливый танец.

Он может увидеть своих спасителей и одновременно поработителей только после сумерек, когда снимают повязку. Теперь он знает, где находится. Для некоторых племен рисует карты мест, которые расположены за пределами их границ, соседним объясняет устройство оружия.

Музыканты сидят близ костра по другую сторону. Через языки огня легкий порыв ветра доносит звуки лиры *симсимия*. Под них танцует мальчик, который так хорош в освещении пламени костра, что трудно оторвать взгляд. В бликах огня его худые плечи кажутся белыми, как папирус, на животе искрятся капельки пота, а нагота, которая, подобно отблескам молнии, просвечивает сквозь разрезы синего балахона от шеи до лодыжек, соблазняет и манит.

Их окружает ночная пустыня, покой которой нарушают лишь ураганы да караваны. Здесь постоянно подстерегают тайны и опасности. Однажды он, опустив руку в песок, неожиданно порезался острой бритвой, которая неизвестно как там оказалась. Иногда нет возможности точно сказать, явь это или сон, но порез такой четкий, что не оставляет боли; он проводит рукой по голове (до лица еще невозможно дотронуться), чтобы обтереть кровь и привлечь внимание бедуинов, в плену которых находится, к своей ране. Существовало ли на самом деле это селение, где нет ни одной женщины – и куда его принесли в полном молчании? Действительно ли целый месяц он находился в абсолютной темноте, когда не видно даже луны? Может быть, просто приснилось, что он был окутан коконом из масла, войлока и темноты?

Они проходили мимо колодцев, где вода была проклята. На некоторых открытых участках песок поглотил города, и он ждал, пока спутники откапывали стены или колодцы. В памяти всплывал образ танцующего у костра подростка, чистая красота его непорочного тела – чистая, как звук голоса мальчика-хориста, как прозрачная речная струя или воды морских глубин. Здесь, в пустыне, где когда-то было море, ничто не застывало и не останавливалось, но все находилось в медленном движении – как одежды на танцующем мальчике, словно он входил в океан или медленно выплывал из его волн, словно из последа при рождении. Подросток, пробуждающий свою страсть; его гениталии медленно покачивались в свете костра.

Затем костер засыпают песком, и только дым поднимается над ним. Звуки музыкальных инструментов похожи на ритмичные удары пульса или стук капель дождя. Мальчик делает знак рукой, чтобы замолчали дудки. Его нет, уже не слышно и удаляющихся шагов. Только груды тряпья. Один из мужчин ползет вперед и подбирает несколько капель спермы, упавшей на песок. Он подходит к белому человеку – исследователю оружия – и пересыпает ему в руки эти капли с песком. Ничто не ценится в пустыне так, как влага.

Девушка стоит, ухватившись за края таза, и смотрит на стену перед собой; затем, вода головой из стороны в сторону, – на отражение в воде. До этого не было времени и желания смотреть на себя, и она убрала все зеркала в пустую комнату. Набирая в руки воду, смачивает голову. Это придает приятное ощущение свежести, когда она выходит из дома и легкий ветерок обдувает ее, заставляя забыть о плохом.

II. Безучастный к жизни

Мужчина с забинтованными руками находился в римском госпитале уже более четырех месяцев, когда случайно услышал имя медсестры, оставшейся с обгоревшим пациентом. Резко повернулся от двери и подошел к группе врачей, чтобы узнать, где можно найти ее, – чем немало удивил их. Дело в том, что, несмотря на довольно долгий срок пребывания, он неохотно шел на контакт и ни с кем не сблизился. Общение ограничивалось жестами и мимикой, иногда – усмешкой. От него ничего нельзя было узнать, даже имя: а в медицинской карте был поначалу записан лишь личный воинский номер; это, по крайней мере, могло означать, что он принадлежал к армиям союзников.

Он прошел двойную проверку, и из Лондона прислали подтверждение, что человек с этим номером действительно значился в списках личного состава канадского корпуса. При осмотре врачи, глядя на его бинты, понимающе кивали. В конце концов, победителей не судят. Герои тоже хотят и имеют право помолчать.

Он чувствовал себя спокойнее, охраняя молчанием собственную безопасность, ничего не открывая и не рассказывая. Они ничего не добьются ни нежностью, ни уговорами, ни угрозами. За четыре месяца он не произнес ни слова. Когда привезли и дали дозу морфия, чтобы заглушить боль в руках, он был большим животным, совершенно безучастным к жизни: сидел в кресле с подлокотниками в полутемном углу, наблюдая за суетой медсестер и движением пациентов из палаты в палату.

Но сейчас, проходя мимо врачей в холле, он услышал женское имя, замедлил шаг, повернулся, подошел к ним и спросил, в каком конкретно госпитале она работает. Ответили, что она осталась в бывшем женском монастыре к северу от Флоренции¹¹. Там шли ожесточенные бои, и монастырем сначала владели немцы, а потом, после осады союзниками, он был переоборудован во временный полевой госпиталь. Здание почти наполовину разрушено, там небезопасно. Тем не менее, когда госпиталь эвакуировался, медсестра и ее пациент отказались покинуть его вместе со всеми.

– Почему вы не приказали им уехать?

– Она заявила, что ее пациент слишком слаб и не вынесет переезда. Мы, конечно, постарались бы доставить его как можно аккуратнее, но тогда было не до споров. Да и сама она была далеко не в лучшем состоянии.

– Ранена?

– Нет. Возможно, небольшая контузия после взрыва. Ее следовало бы отправить домой, но проблема в том, что здесь война закончилась, и никто уже не подчиняется приказам. Пациенты самовольно уходят из госпиталей. Солдаты разбегаются, не дожидаясь, когда их отправят домой.

– На какой вилле? – спросил нелюдимый больной.

– На той, где, говорят, в саду живут призраки, – Сан-Джироламо. А вообще-то у нее есть свой призрак – обгоревший пациент: у него нет лица, и он не реагирует ни на что. Даже если провести спичкой по щеке, не увидите никакой реакции. Мертвое лицо.

– Кто этот обгоревший? – спросил он.

– Мы не знаем его имени.

– Он не разговаривает?

Врачи рассмеялись.

– Разговаривает, почти все время, но не помнит, кто он.

– Откуда его привезли?

¹¹ Столица итальянской области Тоскана.

– Бедуины привезли его в оазис Сива. Потом он некоторое время находился в госпитале в Пизе, а потом... Возможно, у какого-нибудь араба и хранится бирка с его именем. Может быть, когда-нибудь он продаст ее – и мы наконец узнаем его имя. Или нет. Арабам очень нравятся эти бирки. У летчиков, которые потерпели аварию в пустыне и поступили к нам, никогда не бывает именных бирок, по которым их можно идентифицировать. А сейчас этот пациент скрывается на вилле в Тоскане, и девушка ни за что не бросит его. Союзники сумели разместить там сотню раненых. До того немцы удерживали монастырь – свой последний оплот – с небольшим отрядом. Стены некоторых комнат расписаны под разные времена года. За виллой расположено узкое ущелье. И все это – в горах, в тридцати километрах от Флоренции. Вам, конечно, понадобится пропуск. Может, мы попросим кого-нибудь подвезти вас. Там вокруг остались ужасные следы боев: убитые животные, мертвые лошади, наполовину съеденные, тела убитых людей, свисающие с моста. Последние злодеяния войны. Там все начинено минами – саперам хватит работы надолго. При отступлении немцы заминировали почти все. Для госпиталя это было ужасное место. Кругом стоял запах смерти. Потребуется не одна стая воронов и немало снежных метелей, чтобы очистить эту страну от мертвых тел и замести следы войны.

– Спасибо.

Впервые за время пребывания в римском госпитале он вышел на воздух, на солнце – вырвался наконец из больничных палат с зеленоватым светом, в которых чувствовал себя как в стеклянной банке. Стоял, вдыхая воздух полной грудью, вбирая все, что видит вокруг. «Прежде всего, – подумал он, – нужны ботинки на резиновой подошве. А еще я хочу мороженое».

В трясушемся поезде он долго не мог заснуть. Пассажиры курили. Виском ударялся об оконную раму. Люди были одеты в черное, огоньки сигарет походили на маленькие костры в ночи. Он заметил, что всякий раз, когда поезд проезжал мимо кладбища, все крестились.

«Она сама далеко не в лучшей форме».

Мороженое для миндалин, подумал он. И вспомнил, как они втроем – с девочкой и ее отцом – пришли в больницу, где ей должны были удалить гланды. Она только взглянула на палату, полную других детей, и наотрез отказалась. Эта девочка, такая послушная и покладистая, вдруг проявила твердость и железную волю, чего никто не ожидал. Она не позволит ничего делать с собой и будет жить с *этим*, что бы ни случилось. А он до сих пор так и не узнал, что это за штука – гланды.

«Странно, – пронеслось в мыслях, – что они не тронули голову». Самое страшное, когда он представлял себе, что они могли бы сделать дальше, какой орган отрезать следующим. В такие минуты он всегда беспокоился за голову.

Опять что-то, похожее на мышь, пробежало по перекрытию потолка.

Он остановился в дальнем конце коридора и, поставив саквояж на пол, помахал ей сквозь тьму и колеблющиеся облачка свечных огоньков, а потом направился по длинному коридору. Девушку немного удивило, что не было слышно звука шагов: он приближался почти бесшумно. Это действовало успокаивающе и было знаком того, что пришелец не разрушит уединенный мир: ее и английского пациента.

Когда он проходил мимо канделябров в коридоре, они отбрасывали тень на стены. Девушка подкрутила фитиль лампы, и стало немного светлее. Сидела прямо, с книгой на коленях; он подошел и склонился над ней, как старый добрый дядюшка.

– Скажи мне, что такое миндалины.

Она посмотрела удивленно.

– Я помню, как ты пулей выскочила из больницы, а мы с отцом бежали за тобой.

Она кивнула.

– Твой пациент здесь? Можно с ним познакомиться?

Она отрицательно качала головой, пока он не заговорил снова:

– Ну, тогда увижу его завтра. Где я могу разместиться? Простыни не нужны. А кухня здесь есть? Если бы знала, какое странное путешествие я проделал, чтобы найти тебя...

Когда визитер ушел, она вернулась к столу и села, не в силах унять дрожь. Ей нужен этот стол и наполовину прочитанная книга, чтобы взять себя в руки. Человек, которого знала еще девочкой, ехал сюда на поезде, пешком одолел семь километров из деревни в гору, затем прошел по длинному темному коридору – только для того, чтобы увидеть ее?

Через несколько минут девушка вошла в комнату английского пациента и остановилась, глядя на него. На листву, нарисованную на стенах, лился лунный свет, и казалось, что листья живые, а растения источают нежный аромат; рука невольно тянется к цветку, чтобы сорвать его и приколоть к платью.

Мужчина с фамилией Караваджо¹² распахивает настежь все окна в комнате, прислушиваясь к ночным шорохам.

Он раздевается, осторожно растирает забинтованными ладонями шею – и некоторое время неподвижно лежит на незастеленной кровати. Шепчутся деревья в саду. Блики луны прыгают на листьях астр, ныряя в них серебряными рыбками и появляясь снова.

Лунный свет окутывает, словно вторая кожа, словно сноп воды. Через час он уже на крыше виллы. Здесь, наверху, видит разрушенные бомбежками скаты крыши, а внизу – развороченные огороды и сады, окружающие виллу. Он все еще в Италии.

Утром у фонтана они пытаются поговорить.

– Вот ты и в Италии, значит, можешь больше узнать о Верди¹³.

– Что? – Она поднимает голову от белья, которое стирает в фонтане.

Он напоминает:

– Когда-то ты говорила мне, что влюблена в него.

Хана в смущении опускает голову. Караваджо ходит вокруг, рассматривая дом при дневном свете, глядя из лоджии вниз, на сад.

– Да, когда-то ты все время повторяла это. Доводила нас до бешенства все новой и новой информацией о Джузеппе. Какой мужчина! Лучший из лучших! В нем нет изъянов! И нам ничего не оставалось, как соглашаться с тобой – самоуверенной шестнадцатилетней девочкой, не терпящей возражений.

– Той девочки давно уже нет. – Она вешает выстиранную простыню на край фонтана.

– Ты всегда добивалась чего хотела.

Она идет по тропинке из булыжников, меж которыми пробивается трава. Он видит ее ноги, обтянутые черными чулками, тонкое коричневое платье. Перегнувшись через балюстраду, Хана говорит:

– Наверное, я должна признать, хотя бы в глубине души, что приехала сюда именно из-за Верди, но вряд ли осознавала это. А может, потому, что ты уехал на войну, а потом и отец... Посмотри на ястребов. Они прилетают сюда каждое утро. Все остальное разбито. Водопровод разрушен, воду можно взять только в этом фонтане. Союзники разобрали водопровод, когда уходили. Они думали, что тогда я соглашусь уехать.

– Тебе следовало уехать. Ведь этот район еще не разминирован, кругом полно неразорвавшихся снарядов.

Она подходит ближе и прикладывает палец к его губам.

¹² Совпадает с псевдонимом итальянского живописца Микеланджело да Меризи (1573–1610), создателя художественной системы, называемой «караваджизм» (монументализация обыденного мира с помощью светотеневых контрастов).

¹³ Джузеппе Верди (1813–1901) – итальянский композитор, мастер оперного жанра.

– Караваджо, я очень рада видеть тебя. Как никого другого. Только не говори, будто приехал сюда специально, чтобы уговорить меня уехать.

– Да плевать на эти чертовы бомбы! Я бы с удовольствием посидел где-нибудь в маленьком баре, выпил пива и закусил сыром, только не хочется думать, что в один прекрасный момент это все может взлететь на воздух! Я бы не отказался послушать Фрэнка Синатру. Кстати, было бы неплохо раздобыть что-нибудь музыкальное, – говорит он. – Это будет полезно и твоему пациенту.

– Ему все равно. Он все еще в Африке.

Он наблюдает, ожидая, что она скажет еще что-нибудь об английском пациенте, но больше нечего добавить. Бормочет:

– Некоторые англичане любят Африку. Одно полушарие мозга у них точно отображает пустыню. И они не чувствуют себя там чужими.

Видит, как она слегка качнула головой, мысленно соглашаясь. Она коротко подстригла волосы, и лицо стало обычным: в нем не осталось и следа от скрытой тайны, которую придавали длинные пряди. Что бы ни случилось, Хана казалась спокойной в этом маленьком, созданном ею мире: журчащий вдали фонтан, ястребы, разрушенный сад на вилле.

Он думает, что, возможно, она права. Каждый по-своему старается забыть ужасы войны. Она выбрала такой путь: посвятить себя заботам об обгоревшем пациенте, стирать простыни в фонтане, читать книги в комнате, укрываясь в беседке из нарисованных на стенах листьев. Как будто все, что остается, – это капсула из прошлого, которое было задолго до Верди. Тогда Медичи, хозяйка виллы, при свете свечи обсуждали проект балюстрады или окна в присутствии приглашенного архитектора – самого лучшего в пятнадцатом столетии – и желали, чтобы он создал что-нибудь особенное для обрамления столь великолепного вида.

– Если ты останешься, – говорит она, – понадобится больше продуктов. Я посадила немного овощей, у нас есть мешок фасоли, но нужны куры. – Она лукаво смотрит на Караваджо, вспоминая его занятие в прошлом, но не называя его.

– Я уже не тот, не хватит смелости, – говорит он.

– Тогда я пойду с тобой, – предлагает Хана. – Вдвоем не страшно. Научишь меня воровать, покажешь, что и как делать.

– Ты не понимаешь. Не хватит смелости в смысле... уверенности в себе и в успехе.

– Почему?

– Меня схватили немцы. Пытали и чуть не отрубили мои проклятые руки.

Иногда по ночам, когда английский пациент засыпает, она отправляется на поиски Караваджо: или в саду, где он лежит на каменном краю фонтана и глядит на звезды в небе, или на нижней террасе. Сейчас, когда установилась теплая погода, трудно оставаться в доме по ночам. Большую часть времени он проводит на крыше у разрушенной трубы, но тихо сползает вниз, когда видит, что Хана проходит по террасе и ищет его. И находит у обезглавленной статуи графа, где на месте шеи любит погреться один из местных котов, важно восседающая и мурлыча при появлении людей. Ее преследует чувство, что не он, а она нашла мужчину, который любит темноту и знает все ночные звуки, а когда напьется, утверждает, что вырос в семье сов.

Они стоят на утесе, вдалеке сияет огнями Флоренция. Иногда он кажется неистовым, иногда – слишком спокойным. Днем заметно, как неуклюже он двигается, видны его негнущиеся непослушные руки с забинтованными кистями. Мужчина поворачивается всем телом, вместо того чтобы повернуть только шею, когда она показывает ему что-нибудь высоко в горах.

– Мой пациент верит в целительные свойства истолченной в порошок кости павлина.

Он смотрит в небо.

- Я тоже знаю об этом.
- Ты что, был шпионом?
- Не совсем.

Он смотрит на окно в комнате английского пациента. Там еще горит свеча. Разговаривая с Ханой, чувствует себя свободнее ночью.

– Иногда нас посылали воровать. Им крупно повезло, что они заполучили меня – итальянца, да к тому же вора. Они не могли поверить в удачу и использовали меня на полную катушку. Нас было четверо или пятеро. Некоторое время все шло хорошо. Я доставал для них бумаги и ценные сведения. Но однажды, совершенно случайно, попал в объектив фотоаппарата. Представляешь?

Это произошло на вечеринке, одной из тех, что организовывались на средневековых итальянских виллах для немецких офицеров и их местных подружек. Я получил задание выкрасть несколько бумаг, и, чтобы пробраться туда, пришлось напаять смкинг. На самом деле я был просто вором, а не патриотом и уж тем более не героем. Но одна из дам, подружка какого-то вояки, принесла с собой фотоаппарат и щелкала им без передышки, снимая офицеров; и я попал в кадр, когда проходил через зал. Так и засветился, а это грозило опасностью не только для меня, но и для всей организации.

Дело в том, что во время войны все фотографии печатались в государственных лабораториях под контролем гестапо, и по снимку было легко установить, что я не был в списке приглашенных. Любой чиновник обнаружил бы это при тщательном просмотре. Оставалось одно – попытаться выкрасть пленку.

Она заглядывает в комнату английского пациента, чтобы убедиться, что он еще спит. И наверняка сейчас – далеко в пустыне, и бедуин, сидящий рядом, погружает пальцы в темную пасту, которую разводит в чаше, сделанной из соединенных подошв ног, и накладывает на его обгоревшее лицо. Она прямо чувствует, как тяжесть этой руки ложится на щеку.

Идет по коридору и забирается в свой гамак, который резко качнулся, когда ноги отрываются от пола.

Перед тем как уснуть, чувствует некоторое оживление, прокручивая в памяти все события дня, принеся их с собой в кровать, как ребенок – учебники и карандаши. Кажется, в течение дня смена кадров и сцен происходит в беспорядке, пока не наступает момент, когда она все раскладывает по полочкам, а тело наполняется рассказами и сюжетами. Вот, например, история Караваджо, которую он рассказал сегодня. Его порыв, драма и фотография, сделанная украдкой.

Он уезжает с вечеринки на машине. Автомобиль – темный, словно чернильное пятно на фоне светлой летней ночи, – медленно, со скрежетом продвигается к воротам по усыпанной гравием дорожке, огибающей виллу.

Весь остаток вечера на вилле Козимо он не сводил глаз с женщины с фотоаппаратом, отворачиваясь всякий раз, когда она направляла объектив в его сторону. Затерявшись в толпе и прислушиваясь к разговору, узнает, что женщину зовут Анна, что она – любовница офицера, который отправляется завтра на север, через всю Тоскану, а сегодня проведет ночь с ней здесь, на вилле.

Он мучительно ищет решение. Смерть женщины или ее внезапное исчезновение вызовет подозрение. Сейчас все, что выходит за рамки обычного, подлежит расследованию.

Через четыре часа он бежит в носках по траве, подминая под себя свою тень, отбрасываемую лунным светом. Достигнув дорожки, усыпанной гравием, останавливается, потом медленно крадется вдоль. Смотрит вверх, на освещенные прямоугольники окон виллы Козимо, временно ставшей дворцом военных жен.

Луч света от фар, словно струя воды, неожиданно вырвавшаяся из брандспойта, окутывает комнату, по которой он крадется, и Караваджо застывает. Видит огромную кровать, на которой лежат мужчина и женщина – та самая, что фотографировала на вечеринке. Мужчина, явно собираясь заняться с ней любовью, что-то нежно шепчет, перебирая пальцами ее белокурые волосы. Она видит Караваджо, и он уверен, что она тоже узнала его, хотя он стоит в чем мать родила. Конечно, женщина узнала мужчину на вечеринке, которого сфотографировала: по чистой случайности он стоит сейчас в такой же позе, как и там – наполовину повернувшись на свет фар. Пятна света скользят в дальний угол темной комнаты и исчезают.

Все снова погружается в темноту. Какое-то время он не знает, что делать. Продолжать поиски? А вдруг она шепнет любовнику, что в комнате еще кто-то есть? Голый вор. Голый наемный убийца. А может, подкрасться к этой парочке и свернуть похотливому немецкому офицеру шею?

Доносится тяжелое прерывистое дыхание мужчины. Женщина молчит, думает: глаза устремлены в темноту – туда, где стоит он. Точнее, не думает, а *раздумывает*. Вот ведь какая мудреная штука – слова: добавь приставку, и слово уже имеет другое значение. Раздумывать – значит «размышлять», то есть разбрасывать мысли мелкочейистой сетью, вроде липкой паутины или безжалостных капканов. . . Его друг как-то говорил, что слова намного мудренее скрипки. Он вспоминает черную ленту в волосах блондинки.

Слышен звук другой машины, которая сейчас повернет, и ждет нового луча света. Лицо, выплывшее из темноты, все еще выглядит как нож гильотины над ним. Луч света скользит по ее лицу, по телу офицера, по ковру – и снова доходит до Караваджо. Это просто невыносимо! Он трясет головой, затем рукой проводит по горлу. В руках у него фотоаппарат, она должна понять. Вновь темнота, слышен стон наслаждения – и он понимает, что женщина не выдаст. Это ответ – без слов, без намека на иронию, просто сигнал, что она все поняла и можно спокойно пробраться на веранду, спрыгнуть вниз и раствориться в темноте.

Найти ее комнату было гораздо труднее. Он проник в здание и молча прошел по длинным коридорам под полуосвещенными фресками семнадцатого века. Где-то в глубине дома, словно темные карманы в золотом камзоле, находились спальни. Но там дежурила охрана, и единственный шанс добраться туда – прикинуться простачком. Он полностью разделся и спрятал одежду на клумбе под окнами.

И вот мужчина, совершенно голый, семенит по лестнице на второй этаж, где стоит охрана. Перегнувшись через перила, они хохочут, а он, согнувшись, что-то бормочет, пытаясь объяснить, что ему было назначено здесь свидание, *под фресками* или *в капелле*. Это ведь здесь?

Они пропускают его. Еще один длинный коридор на третьем этаже. Один охранник – у лестницы. Другой – в дальнем конце, слишком далеко для Караваджо. Это поистине театральный проход, и роль предстоит сыграть под пристальными взглядами подозрительных и насмешливых охранников. Он идет, останавливаясь, чтобы взглянуть на фрагмент фрески на стене, где изображен осел в роще. Прислонившись к стене, закрывает глаза, словно набираясь сил, и снова пускается в путь – сначала спотыкаясь, но скоро, взяв себя в руки, шагает бодрым военным шагом. Свободной левой рукой приветствует херувимов на потолке, с такими же голыми задами, как и он; святых, которые летят, покрывая его обман и охраняя жизнь вора, пробравшегося на виллу, дабы во что бы то ни стало выкрасть пленку.

Он хлопает себя по голой груди, как бы ища пропуск, сгребает в ладони пенис и делает вид, что хочет открыть им комнату, охраняемую часовым. Смеясь, пошатываясь, идет назад, будто огорченный неудачей – и проскальзывает в комнату рядом.

Открыв окно, выбирается на веранду. Стоит темная чудесная ночь. Перелезает на другую веранду, этажом ниже. Вот сейчас можно войти в комнату, где находится Анна с любов-

ником. Он слышит легкий запах духов. Крадется бесшумно, не оставляя следов, не бросая тени. Когда-то он рассказывал ребенку байку о человеке, который потерял свою тень и занимался ее поисками – как он занимается сейчас поисками чертовой пленки.

Очутившись в комнате, понимает, что сексуальная игра уже началась. Натывается руками на одежду, брошенную на спинку стула, опрокинутого на пол. Лежа на ковре, перекачивается, ощупывая все вокруг, пытаюсь найти нечто похожее на фотоаппарат. Ничего. Темнота, хоть глаз выколи.

Он медленно встает и, взмахнув руками, нащупывает что-то твердое – грудь мраморной статуи. Рука движется по ее мраморной холодной руке – он представляет, что должна чувствовать в таких случаях женщина, – и нащупывает ремешок от камеры фотоаппарата. Затем он слышит визг тормозов за окном и, когда поворачивается на этот звук, видит глаза женщины в прорвавшемся в комнату луче света от фар.

Караваджо наблюдает за Ханой, которая сидит напротив и смотрит ему в глаза, пытаюсь понять, о чем он думает, вычислить ход мыслей – так же, как когда-то это делала жена. Она пытается вдохнуть его запах и узнать, где он бродил. Он отвечает на этот взгляд, зная, что ничего невозможно увидеть в его ясных и чистых, словно река, глазах. Он умеет скрывать свои чувства, и люди часто покупаются на это. Но девушка наблюдает с лукавой улыбкой, наклонив голову набок – как собака, к которой обращаются громким голосом. Она сидит напротив, на фоне кроваво-красных стен – цвет, который ему не нравится; и своими темными волосами, стройностью и загаром напоминает ему жену.

Сейчас он не думает о жене, хотя знает: стоит отвернуться, и сможет воспроизвести каждое ее движение, описать каждую черточку, почувствовать тяжесть руки, которая покоится на его груди ночью.

Руки он прячет под столом, наблюдая, как девушка ест. Сам же все еще предпочитает принимать пищу в одиночестве, хотя всегда сидит за столом, когда приходит время обеда. Тщеславие, думает он. Человеческое тщеславие. Она видела из окна, как он ест руками, сидя на одной из тридцати шести ступенек у часовни; ест без ножа и вилки, словно учится у жителей Востока. Седящая щетина и черный пиджак делают его все больше похожим на итальянца.

Он видит ее тень на коричнево-красных стенах, кожу, коротко подстриженные волосы. Он знал девочку и ее отца в Торонто¹⁴ еще до войны. Тогда он был вором, женатым человеком; с ленивой самоуверенностью плыл по течению в выбранном им мире, с великолепной хитростью обманывая богатых и очаровывая жену Жанетту и эту маленькую девочку, дочь друга.

Но сейчас мир вокруг разрушен, и они предоставлены сами себе. Находясь здесь, на вилле недалеко от Флоренции, сидя дома и предаваясь грезам и дремоте на мягком стуле, или на кровати, или на крыше, он не строил никаких планов, но думал только о Хане. А она, казалось, приковала себя цепями к умирающему пациенту в комнате наверху.

Во время еды он сидит напротив девушки и наблюдает, как она ест.

Полгода назад, когда Хана работала в госпитале Санта-Чиара в Пизе, как-то увидела из окна статую белого льва. Он стоял один на вершине зубчатых стен, вписываясь в беломраморный комплекс Дуомо и Кампосанго, хотя его неотделанность и наивность форм казались частью другой эпохи. Как дар из прошлого, который следует принять. Из всего архитектурного великолепия, окружавшего госпиталь, она приняла лишь этого льва. В полночь смотрела в окно и знала, что, несмотря на комендантский час, он там – и появится с первым

¹⁴ Столица провинции Онтарио в Канаде.

проблеском зари. Она посмотрит в окно в пять утра, потом в пять тридцать, а потом в шесть, чтобы увидеть, как проявляется его силуэт. Каждую ночь дежурства это был ее страж.

Госпиталь был расположен на территории старого монастыря. Тысячелетиями монахи заботливо ухаживали за деревьями и кустами, придавая им форму зверюшек, о которых сейчас можно было только догадываться; каждый день сестры возили пациентов в инвалидных колясках по аллеям среди неухоженных деревьев и кустов, давно потерявших форму. И казалось, лишь белый мрамор остался неизменным.

Сестры тоже были немного контужены смертями, окружавшими их. Они носили по коридору ампутированные конечности, промокали тампонами кровь, которая не останавливалась, будто рана была бездонным колодезцем, – и уже ни во что не верили, ничему не доверяли. Что-то в них разрушалось, словно в mine в руках умелого сапера за секунду до возможного взрыва. То же было и с Ханой в госпитале Санта-Чиара, когда посыльный, пройдя мимо сотни кроватей, нашел ее и отдал письмо с похоронкой на отца.

Белый лев.

Вскоре в госпиталь привезли английского пациента, который был похож на обгоревшего зверя. И сейчас, на вилле Сан-Джироламо, это ее последний пациент. Для них войны больше не было: они отказались уехать в более безопасное место, в Пизу. Но бои закончились не только для них: во всех прибрежных городах – Сорренто, Марина-ди-Пиза – скопились сотни североамериканских и британских солдат, ожидающих отправки домой. Девушка выстирала свою военную форму, сложила и отдала сестрам, которые уезжали в Пизу. Ей сказали, что война еще идет. Затихла не везде, но для нее она закончилась. Говорили, что это похоже на дезертирство. Но она так не считала – и решила остаться. Предупреждали, что здесь полно мин, нет воды и еды, но она была непреклонна. Поднялась в комнату к английскому пациенту и сказала, что тоже остается.

Он ничего не ответил, потому что не мог повернуть головы, но его пальцы скользнули по ее белой руке; когда она наклонилась, провел пальцами по ее волосам, ощутив их прохладу.

– Сколько вам лет?

– Двадцать.

– Когда-то жил герцог, – сказал он, – который, умирая, захотел, чтобы его подняли на Пизанскую башню, чтобы перед смертью увидеть широкое пространство.

– Друг моего отца хотел умереть под «Шанхайский танец». Я не знаю, что это такое. Он сам об этом где-то услышал.

– Чем занимается ваш отец?

– Он... он на войне.

– Вы тоже на войне.

Девушка так ничего и не знает о нем, несмотря на то, что прошел уже месяц, как она ухаживает за ним и делает уколы морфия. Сначала, оставшись вдвоем на вилле, они чувствовали некоторую неловкость. Потом это прошло. Пациенты, врачи, медсестры, обозы с оборудованием, простынями и полотенцами – все скрылось за холмом на пути во Флоренцию и дальше, в Пизу. Она заранее сделала запас таблеток кодеина и морфия – и спокойно наблюдала за общим отъездом, за вереницей уходящих грузовиков. До свидания. Помахала им вслед из окна, затем плотно закрыла ставни.

Позади виллы поднимается высокая скалистая стена, к западу – длинная полоса огороженного сада, а в тридцати километрах внизу, в долине, ковром расстилается Флоренция, тающая в утренней дымке.

Вилла Сан-Джироламо, построенная много веков назад для защиты жителей от происков дьявола, была похожа на осажденную крепость. Сады одолевала мерзость запустения, статуи с оторванными во время обстрелов конечностями безмолвно взирали на окружающий

пейзаж и выжженную землю. Хане казалось, что эти запущенные дикие сады были продолжением дома, его дальними комнатами. И она с усердием работала там, не забывая, что могут быть мины. За домом на небольшом клочке земли начала возделывать огород с неистовой страстью, которая характерна для тех, кто вырос в городе. Когда-нибудь здесь будет липовая беседка и комнаты, залитые зеленым светом настоящей, живой листвы.

Караваджо зашел в кухню и обнаружил, что Хана, сгорбившись, сидит за столом. Он не видел ее лица и рук, только спину и голые плечи, содрогавшиеся от рыданий.

Остановился. Уж он-то знал, что слезы изматывают сильнее, чем любая работа. Еще не рассвело. Ее лицо белело светлым пятном на темном дереве стола.

– Хана, – позвал, и она затихла, как будто можно было обмануть его в темноте. – Хана.

Женщина начала стонать, и этот стон разделял их, словно река, которую нельзя переплыть.

Сначала он не знал, можно ли дотронуться до ее обнаженной спины, но потом снова сказал «Хана» – и положил забинтованную руку ей на плечо. Она все еще дрожала. Когда у тебя глубокое горе, единственное средство выживания – избавление от воспоминаний.

Она выпрямилась, но голова была опущена; затем, с усилием оторвав себя от стола, встала напротив мужчины.

– Если хочешь трахнуть, не дотрагивайся до меня.

На ней надета была лишь юбка, как будто она только что встала с постели и прибежала сюда, на кухню.

Лицо покраснело от слез.

– Хана.

– Ты слышал, что я сказала?

– Почему ты поклоняешься ему?

– Я люблю его.

– Не любишь, а обожествляешь.

– Уходи, Караваджо. Пожалуйста.

– Я не могу понять, что связывает тебя с этим живым трупом?

– Он святой. Я знаю это. Святой – в отчаянии. Такое бывает? Мы должны защитить его.

– Неужели ты не видишь, что ему наплевать на это!

– Моя любовь может спасти его.

– Двадцатилетняя девушка, которая добровольно отказывается от радостей жизни, чтобы любить призрака! – Караваджо помолчал. – Нужно защитить себя от уныния: из него легко впасть в ненависть. Послушай меня. Я-то знаю. Если выпиваешь яд, предназначенный другому, думая, что этим облегчаешь его участь, ты ошибаешься, потому что отравляешь не плоть, а душу: яд оседает в тебе. Бедуины в пустыне оказались умнее. Они знали, что он может быть им полезен, спасли и использовали, а потом просто бросили.

– Уходи. Оставь меня в покое.

Хана любит посидеть одна в высокой влажной траве в саду. В такие минуты она смотрит вдаль и пытается представить, кто шел по этой старой дороге под сенью восемнадцати кипарисов в далекие времена.

Однажды находит в саду сливу, очищает ее и кладет в карман платья, чтобы отнести английскому пациенту. Когда он просыпается, наклоняется и кладет мякоть сливы ему в рот. Он всасывает ее, словно воду, при этом челюсть остается неподвижной. Она видит, как он проглатывает сливу – и, кажется, готов кричать от удовольствия.

Поднимает руку и пальцем стирает с губы каплю сливовой мякоти, которую не может слизать языком, потом кладет палец в рот и сосет его.

– Давайте я расскажу вам о сливах, – говорит он. – В детстве я...

Когда они остались на вилле вдвоем с английским пациентом, было еще холодно, и пришлось сжечь почти все кровати. Как-то в одной из комнат она нашла старый солдатский гамак и стала им пользоваться. Каждый вечер выбирала комнату, которая приглянулась, вбивала в стену гвозди, вешала гамак и засыпала, покачиваясь над водой и грязью на полу, не боясь крыс, которые в последнее время начали появляться. Каждую ночь она забиралась в гамак, который, вероятно, еще помнил своего хозяина – одного из ее бывших пациентов, скончавшегося от ран.

Пара теннисных туфель и гамак – вот все, что она присвоила себе в этой войне. Сняв платье и повесив на гвоздь, забравшись в гамак и накрывшись старой кофтой, она спит, изредка просыпаясь от полосы лунного света, которая скользит по потолку. Стало теплее, и уже нет нужды сжигать стулья и кровати.

Ее гамак, туфли и платье. Девушка чувствовала себя в безопасности в этом маленьком мире, который сама создала; двое мужчин казались далекими планетами, каждый – на собственной орбите памяти и уединения.

Караваджо, друг отца в Канаде, любимец женщин. Он с легкостью разбивал сердца, добровольно отдавая себя. Сейчас он уже не тот. В той, довоенной жизни был вором-одиночкой, потому что не доверял мужчинам. Был общительным, любил поговорить, но предпочитал дамское общество и быстро попадал в умело расставленные женские сети. Когда она, бывало, рано утром крадучись возвращалась домой, то видела, как он спит прямо в кресле ее отца: измученный и усталый от ночной работы или очередных любовных походов.

Караваджо принадлежал к людям, которых нужно крепко обнять и не отпускать, чтобы они не убежали; и время от времени щипать себя, чтобы не потерять рассудок в его обществе. Нужно было держать его за волосы, как утопающего, иначе он потянет за собой. Или вы видите его, идущего навстречу по улице и уже готового помахать рукой, но вдруг он перепрыгивает через стену – и исчезает на месяцы. Не очень хороший дядюшка.

Караваджо нарушал покой, обнимая, словно крыльями, закрывая от невзгод и опасностей. С ним она чувствовала себя в безопасности.

И вот сейчас он здесь, наверное, спит где-то рядом.

А еще здесь англичанин из пустыни.

Во время войны, ухаживая за самыми безнадежными больными, она выдержала это и справилась с ролью медсестры, стараясь не пропускать через сердце их страдания. «Я выдержу. Я не сломаюсь». Повторяла, как заклинание, все те месяцы, когда они проходили через города Урбино, Анжиари, Монтерчи, когда вошли во Флоренцию и, наконец, дошли до моря в Пизе.

Именно там, в госпитале в Пизе, она впервые увидела английского пациента. Человек без лица. Тело – словно головешка из большого костра. Все документы пропали в огне. Тело обработано дубильной кислотой, которая покрыла коркой обгоревшую до мяса кожу. На глаза наложен густой слой мази из трав. Опознать его было практически невозможно.

Иногда она собирает несколько одеял и лежит, накрывшись, наслаждаясь не столько теплом, сколько их приятной тяжестью. А когда лунный свет скользит по потолку, просыпается, и мысли путешествуют вместе с ним. Ей нравится это состояние, когда можно спокойно поразмышлять, что-то вспомнить – намного приятнее, чем просто спать. Если бы она была писательницей, то писала бы, только лежа в постели, взяв с собой карандаши, блокнот и любимого кота. И конечно же, никогда бы не обошла вниманием незнакомцев и влюбленных.

Так приятно было лежать и вспоминать, принимая все стороны жизни, все, что произошло, – таким, как есть. Купание в море, ночь с солдатом, который не знает, как тебя зовут. Нежность к неизведанному и безымянному, которая стала нежностью к самой себе.

Девушка пошевелила ногами под солдатскими одеялами, потянулась, словно плавая – как английский пациент в плаценте из ткани.

Чего действительно не хватает, так это медленных сумерек и знакомого шороха деревьев. В Торонто она научилась читать звуки летней ночи. Там она и была собой – лежа в постели или ступая с котом в руках на пожарную лестницу.

Учителем был Караваджо. Он показал, как кувыряться через голову. А сейчас постоянно держит руки в карманах и только пожимает плечами. Кто знал, в какую страну забросит война? Взять хотя бы ее: после того как прошла курс медсестер в больнице при женском колледже, ее отправили за океан, на Сицилию. Это было в 1943 году. Первая канадская пехотная дивизия с боями пробивала себе путь сквозь Италию; в полевые госпитали шел нескончаемый поток раненых. После сражения у Ареццо¹⁵, когда первый огневой вал войск отступил, она не знала сна, ухаживая за ранеными днем и ночью. После трех суток без сна и отдыха просто рухнула на пол рядом с умершим солдатом – и проспала двенадцать часов, забыв на это время о кошмаре, окружавшем ее.

Проснувшись, достала из фарфоровой вазочки ножницы, наклонилась и начала обстригать волосы, не задумываясь о том, что сама сделает это неровно; просто стригла, и все, с раздражением вспоминая, как они мешали в те дни, когда она наклонялась над ранеными. Теперь ничто не будет связывать ее со смертью. Девушка провела рукой по тому, что осталось от прядей, и оглянулась на комнаты, забитые ранеными.

С этого момента она перестала смотреться в зеркало. Когда положение на фронте стало серьезнее, получала сообщения о гибели людей, которых знала. С ужасом думала о том, что может наступить момент, когда придется вытирать кровь с лица родного отца или хозяина магазинчика на Дэнфорс-авеню, у которого покупала продукты. Она словно окаменела.

Спасти могло только благоразумие, но о нем, казалось, забыли. Кровь захлестывала страну, словно поднимающийся в термометре ртутный столбик. Где Торонто, вспоминает ли она о нем сейчас? Это была вероломная опера. Люди ожесточались против всего света – солдат, врачей, медсестер, гражданских. Хана, все ниже склоняясь над пациентами, что-то шептала им.

Всех называла «дружище» и смеялась над строчками из песни:

Если встречу я Фрэнка по кличке Буфет,
Он всегда говорит мне: «Дружище, привет...»

Она вытащила из тел раненых уже столько кусков шрапнели, что казалось, будто достала целую тонну рваного металла из огромного гигантского тела. Однажды ночью, когда умер один из пациентов, Хана, в нарушение всех правил и инструкций, взяла из его походного мешка пару теннисных туфель – немного великоватых, но удобных.

Ее лицо стало жестким и узким – таким, каким увидел его Караваджо. Она похудела, в основном от усталости. Ее, однако, не покидало постоянное чувство голода, и она раздражалась и бесилась, когда приходилось кормить раненого, который не мог или не хотел есть; хлеб крошился и рассыпался, а суп, который она проглотила бы одним махом, остывал. В одном городке, где временно разместился их госпиталь, была небольшая пекарня, пристроенная к зданию, и когда выдавалась свободная минутка, она забегала туда, вдыхая запах муки как обещание съестного. Позже, когда передислоцировались к востоку от Рима, кто-то подарил ей земляную грушу.

¹⁵ Город в итальянской области Тоскана, примерно в 50 км к юго-востоку от Флоренции.

Продвигаясь на север, они ночевали в базиликах, монастырях или еще где-нибудь – там же, где размещали раненых. Это было странно и необычно, но Хана уже ничему не удивлялась. Когда кто-то из раненых умирал, она отрывала картонный флажок у его кровати, чтобы санитары могли увидеть этот сигнал. Иногда она вырывалась из этих толстостенных зданий на воздух – и обнаруживала, что на улице весна. Или зима. Или лето. Казалось, только природа не изменила своим привычкам. Хана всегда старалась хоть на минутку выскочить на улицу, даже если бушевала гроза или шел дождь: было необходимо вдохнуть глоток свежего воздуха, не пропитанного запахами страдания и смерти.

«Привет, дружище; до свидания, дружище». Все происходило очень быстро. Она никогда не думала, что станет медсестрой. Но когда подстригла волосы, почувствовала себя подписавшей контракт на эту работу; он действовал до тех пор, пока они не расположились на вилле Сан-Джироламо, к северу от Флоренции. Там были еще четыре медсестры, два врача и сто пациентов. Зона военных действий продвинулась на север, и только они пока оставались здесь.

И вот когда жители этого маленького городка в предгорьях Тоскано-Эмилианских Апеннин отмечали какой-то местный праздник, девушка заявила, что никуда не поедет: ни назад во Флоренцию, ни в Рим, ни в любой другой госпиталь. Для нее война закончилась. Она останется здесь с обгоревшим раненым, которого все называют английским пациентом, потому что он очень слаб, конечности хрупкие и он не выдержит переезда. Будет накладывать белладонну на его глаза, класть солевые примочки на кожу в келоидных рубцах и обширных ожогах. Ее пытались отговорить: здесь шли ожесточенные бои, монастырь был почти разрушен, да и бандитов в округе хватало. Никто не мог гарантировать безопасность. Но она стояла на своем. Хана сняла форму, достала из мешка коричневое в цветочек платье и теннисные туфли и переделалась. Она вышла из войны – и останется здесь, на вилле, с английским пациентом до тех пор, пока в монастырь не вернутся его жители. Было в обожженном летчике нечто такое, что ей хотелось узнать, понять – и спрятаться, снова почувствовав себя девочкой; вернуться в детство и забыть, что уже давно стала взрослой. То, как он говорил, как скользили мысли, завораживало, словно она плыла в вальсе. Хотелось спасти этого человека без лица и без имени – одного из двухсот (а может, и более) пациентов, за которыми ухаживала во время продвижения войск на север.

Так она и удалилась с праздника в своем платье, пришла в комнату, где жила с другими медсестрами, и села на кровать. Что-то блеснуло, и девушка увидела маленькое круглое зеркальце. Медленно встала и подошла поближе. Оно было небольшим, но здесь и такое казалось роскошью. Уже более года Хана не смотрелась в зеркало, изредка замечая только свою тень на стене. Девушка смотрела на свое лицо, как бы заново узнавая его. Были слышны радостные голоса пациентов, которых вывезли в инвалидных колясках погреться на солнышке. Только тяжелораненые оставались в этих стенах. Она улыбнулась, вглядываясь в свое отражение. «Привет, дружище».

Хана и Караваджо идут по ночному саду. Он начинает говорить медленно, как обычно, слегка растягивая слова.

– Помнишь вечеринку в ночном ресторане Кроулера на Дэнфорс-авеню? Был чей-то день рождения, и мы все собрались там: и отец, и Жанетта, и ты, и наши друзья. Каждому нужно было встать и спеть песню. И ты сказала, что хочешь участвовать. Это была первая вечеринка: ты еще ходила в школу и выучила песню на французском языке.

Все было очень торжественно. Взобравшись сначала на скамью, потом на деревянный стол, стоя среди тарелок и зажженных свечей, ты пела «Марсельезу» на французском языке:

Алленз, анфан де ля патри!..

Пела, прижав левую руку к груди.

Вперед, отечества сыны!

Половина присутствующих не знала, о чем ты поешь, может, ты и сама не знала перевода слов, но чувствовала сердцем, о чем песня.

Легкий ветерок из окна раздувал юбку, так что края почти касались горячей свечи; твои лодыжки казались ослепительно-белыми. Отец смотрел на тебя с удивлением и любовью, что светились в его глазах; пламя свечи, колеблющееся на ветру, почти касалось платья. Мы встали у края стола, и, когда ты закончила петь, он подхватил тебя на руки.

– Я сделаю тебе перевязку. Не забывай, что я все-таки медсестра.

– Не стоит. Все в порядке. Я будто в перчатках.

– Как это случилось?

– Меня схватили, когда я выпрыгнул из окна той спальни. Где была женщина – помнишь, я рассказывал, – которая сфотографировала меня. Но она была ни при чем, это не ее вина.

Она хватает его за руку, нащупывая мышцы.

– Все же сделаю перевязку.

Вытаскивает его забинтованные руки из карманов пальто. При дневном свете бинты кажутся серыми, а сейчас, в темноте ночи, чуть ли не сверкают белизной.

Девушка разматывает бинты, а он постепенно отступает назад, словно фокусник, из рукавов которого тянутся белые ленты. Она подходит к нему, дядюшке Дэйву из детства, видит его умоляющие глаза, старается не глядеть на его руки, сложенные ладонями вместе.

Дотрагивается до рук, все еще глядя ему в глаза, потом прижимается щекой к его щеке. Кисти кажутся твердыми на ощупь.

– Я говорил, что пришлось поторговаться с ними за то, что они оставили мне.

– Как это удалось?

– Благодаря моим старым умениям.

– О, я помню. Подожди, не двигайся. Не отходи от меня.

– Странное время – конец войны.

– Да, каждый старается приспособиться.

– Точно.

Он поднимает руки вверх, как бы пытаясь взять в ладони луну.

– Вот, смотри, Хана. Они отрезали мне большие пальцы.

Он держит руки прямо, затем разворачивает одну руку ладонью к ней, чтобы она убедилась, что это не фокус. На месте большого пальца впадина. Протягивает руку к ее блузке.

Девушка чувствует, как он берет ткань двумя пальцами и слегка тянет на себя.

– Теперь могу только так.

– В детстве я всегда смотрела на тебя, как на Алого Пимпернеля¹⁶; в моих снах мы лазили вместе по крышам. Ты приходил домой, и в карманах было полно всякой всячины: холодная еда, пеналы, ноты, которые позаимствовал у кого-то специально для меня.

Она говорит в темноте, не видя лица собеседника; тень листы покрывает его, словно вуаль.

– Ты любишь женщин, правда? Всегда любил.

¹⁶ Герой книги «Лига Алого Первоцвета», написанной баронессой Орци (миссис Монтегю Барстоу) в 1905 г. Предводительствовал в лиге, созданной англичанами для спасения жертв Французской революции. Символ неуловимого хитреца.

– Почему же «любил»? И сейчас люблю.

– Сейчас такое кажется неважным среди войны и всех этих ужасов кругом.

Он кивает, и вуаль из листьев сбегает с лица.

– Ты был похож на одного из тех художников на нашей улице, которые работали по ночам: только в их окнах горел свет всю ночь напролет. Или на копателя червей – эти люди, привязав к лодыжкам старые кофейные банки и надев на голову шлем с фонарем, ходят по городским паркам. Помнишь, ты взял меня в одно из таких мест – в кафе, где они продают накопанных червей. «Это похоже на биржу», – сказал ты. Там цены на червей падали и росли – пять центов, десять центов... Там люди разорялись или становились богачами. Помнишь?

– Да.

– Пойдем в дом, становится холодно.

– А ты знаешь, что великие карманники рождаются с указательным и средним пальцами одинаковой длины? Тогда им не приходится лезть глубоко в карман. Самое большее – полтора сантиметра!

Они идут по аллее к дому.

– Кто сделал это с тобой?

– Они позвали медсестру – думали, так будут более острые ощущения. Приковали мои запястья наручниками к ножкам стола. Когда отрезали большие пальцы, кисти легко выскользнули из наручников, как во сне. Но мужчина, который позвал медсестру, был у них за старшего – и был еще тот гад... Рануччо Томмазони. А она оказалась там случайно, ничего не знала: ни кто я, ни откуда, ни того, что я мог такого совершить.

Войдя в дом, они услышали крик английского пациента. Забыв о Караваджо, Хана бросилась вверх по ступенькам. В темноте мелькали ее белые теннисные туфли.

Крик наполнял коридоры. Караваджо зашел на кухню, отломил кусок хлеба и пошел вверх, вслед за Ханой. Крик стал неистовым. Войдя в комнату, увидел, что англичанин устался на собаку: та стояла как вкопанная, оглушенная криком. Хана усмехнулась.

– Я не видела собак уже сто лет. Ни одной за все время войны.

Присела и обняла ее, вдыхая запах шерсти и горных луговых трав. Затем подтолкнула собаку к гостю, который протянул кусок хлеба. Англичанин увидел Караваджо, и у него отвисла челюсть. На секунду ему показалось, что собака, которую Хана закрывала своей спиной, превратилась в человека. Караваджо взял собаку на руки и вышел из комнаты.

– Я подумал, – сказал английский пациент, – что в этой комнате, должно быть, жил Полициано¹⁷. Возможно, вилла принадлежала ему. У той стены был старинный фонтан. Это знаменитая комната. Они все собирались здесь.

– Это был госпиталь, – тихо сказала Хана. – А до того – женский монастырь. А потом сюда пришли войска.

– Думаю, это была вилла Брусколи. Полициано – протеже самого Лоренцо¹⁸. Я говорю примерно о 1483 году. Во Флоренции, в церкви Святой Троицы, висит картина, где изображена семья Медичи, и Полициано в красном плаще – на переднем плане. Гений и злодей в одном лице, который сам пробился в высшее общество.

Было за полночь, и у него снова наступил период бодрствования.

Она была рада этому: просто необходимо забыться и перенестись куда-нибудь отсюда, потому что перед глазами все еще стояли руки Караваджо с отрезанными пальцами. Он, наверное, кормит бродячую собаку на кухне виллы Брусколи, если она действительно так называлась.

¹⁷ Итальянский поэт, гуманист (1454–1494). Настоящее имя – Анджело Амброджини.

¹⁸ Лоренцо Великолепный (1449–1492) – один из главных представителей рода Медичи. Правил Флоренцией с 1469 г.

– Жизнь тогда была полна кровавых распрей. Кинжалы и политика, треуголки, турнюры, накрахмаленные чулки и парики. Шелковые парики! Конечно, Савонарола¹⁹ появился чуть позже, и начались сожжения произведений искусства на кострах. Полициано перевел Гомера. Написал великую поэму о Симонетте Веспуччи. Вам что-нибудь говорит это имя?

– Нет, – с улыбкой ответила Хана.

– Ее портреты были развешаны по всей Флоренции. Она умерла от чахотки в двадцать три года. Он сделал ее знаменитой, написав «Стансы о турнире», а затем Боттичелли²⁰ перенес некоторые сюжеты на холст. Леонардо²¹ тоже писал картины на эти сюжеты. Полициано читал каждый день лекции: по утрам два часа на латыни, днем – два часа на греческом. У него был друг Пико делла Мирандола²², видный общественный деятель, но сумасброд, который вдруг перешел в лагерь Савонаролы.

«У меня было такое прозвище в детстве. *Пико*».

– Да, я уверен: эти стены многое повидали. Вот фонтан в стене. Здесь бывали Пико, и Лоренцо, и Полициано, и молодой Микеланджело²³. Они держали в руках новый мир и старый мир. В библиотеке хранились четыре последние книги Цицерона. Они открыли новые виды животных: жирафа, носорога, дронга. Тосканелли составил карты мира, основанные на рассказах купцов. Люди сидели здесь, в этой комнате, спорили по ночам, а за ними безмолвно наблюдал Платон, вырезанный из мрамора.

И вот пришел Савонарола, на улицах раздался его крик: «Покайтесь! Идет потоп!» И все было сметено – свободная воля, желание быть изысканным, слава, право поклоняться Платону, как богу. И по всей Италии запылали костры инквизиции – горели парики, книги, шкуры зверей, карты. Через четыреста лет были вскрыты могилы. И что вы думаете? Кости Пико сохранились целыми, а кости Полициано раскрошились в пыль.

Англичанин перелистывал страницы книги и читал записи на вклеенных страницах, она слушала: о великих открытиях и картах, которые погибли в огне, о статуе Платона, которую тоже сожгли; ее мрамор расслаивался от жары, и высокий лоб мудреца рассекали трещины мудрости, как точные выстрелы в долине, где на холме, поросшем травой, стоял Полициано, ожидая своей участи, и Пико, который мысленно наблюдал из последней обители, где он нашел спасение души и вечное блаженство.

Караваджо налил собаке воды в миску. Старая дворняга, пережившая войну.

Сел за стол с графином вина, который дали Хане монахи из монастыря. Это был ее дом, и он двигался осторожно, стараясь ничего не задеть и не испортить. Замечал букетики полевых цветов, которые она дарила себе и расставляла в комнатах. Даже в заросшем саду натывался на маленькие квадратики выстриженной травы. Был бы моложе, ему бы это понравилось.

Интересно, что Хана думает о нем? С его ранами, потерей душевного равновесия, щетиной на щеках и седыми завитками на шее? Никогда прежде не ощущал своего возраста: другие становились старше, но не он. Чувствовал, что не хватает мудрости для своего возраста.

Он присел, наблюдая, как пьет собака, потом, вставая, неловко схватился за стол, чтобы не потерять равновесие – и нечаянно опрокинул графин с вином.

¹⁹ Джироламо Савонарола (1452–1498) – настоятель монастыря доминиканцев во Флоренции. Выступал против тирании Медичи, обличал папство, призывал церковь к аскетизму, осуждал гуманистическую культуру.

²⁰ Сандро Боттичелли (1445–1510) – итальянский живописец, представитель Раннего Возрождения. Был близок ко двору Медичи и гуманистическим кругам Флоренции.

²¹ Леонардо да Винчи (1452–1519) – итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый, инженер.

²² Джованни Пико делла Мирандола (1463–1494) – итальянский мыслитель, представитель раннего гуманизма.

²³ Буонаротти Микеланджело (1475–1564) – итальянский скульптор, живописец, архитектор, поэт.

– Ну, тебя зовут Дэвид Караваджо, не так ли?

Они приковали его наручниками к толстым ножкам дубового стола. В какой-то момент он поднял его, словно обнимая, – кровь потоком хлестала из левой кисти, – и попытался бежать, но упал. Женщина выронила из рук нож, отказываясь продолжать. Ящик стола выдвинулся и упал ему на грудь, содержимое вывалилось на пол, и он подумал, что там может быть пистолет, который пришелся бы очень кстати. Рануччо Томмазони достал бритву и подошел.

– Ага, значит, Караваджо?

Был не до конца уверен.

Когда он лежал под столом, кровь из кистей заливала лицо. Пришел в себя, сбросил наручник с ножки стола, откинул стул, чтобы заглушить боль, затем наклонился влево, чтобы снять другой наручник. Все заляпано кровью. Руки превратились в бесполезные обрубки. Позже, в течение многих месяцев, он ловил себя на том, что смотрит на большие пальцы рук людей, как будто завидует им. После этой зверской ампутации стал ощущать свой возраст, как будто в ту ночь, когда был прикован наручниками к столу, в него влили «старящий» раствор.

Он посмотрел на собаку, на стол, залитый вином. И вспомнил: два охранника, женщина, Томмазони и телефоны, которые звонили и звонили, отрывая палача от работы. Приходилось отложить бритву; произнеся едким шепотом: «Извините», он хватал окровавленной рукой трубку и слушал. Полагал, что ничего не сказал им, никого не выдал. Но его отпустили, так что, возможно, он ошибся.

Он побрел по Виа ди Санто Спирито в одно местечко, адрес которого был глубоко запрятан в памяти. Прошел мимо церкви, построенной Брунеллески²⁴, к библиотеке немецкого института, где, он знал, будет ждать свой человек, который сможет оказать помощь. И тут вдруг дошло, почему его отпустили. Они будут следить за ним и выйдут на связных. Быстро свернул на боковую улицу и пошел не оглядываясь. Хотелось, чтобы на улице сейчас укладывали асфальт: тогда можно было бы остановить кровь и подержать руки над котлом со смолой, чтобы черный дым окутал их. Он дошел до моста Святой Троицы. Удивило, что никого нет вокруг, никакого движения. Стояла тишина. Раньше, когда он шел по тем улицам, спрятав руки в карманы, набухшие от крови, видел много танков и джипов. Сел на гладкую балюстраду моста, затем лег навзничь.

И тут раздался взрыв. Мост был заминирован. Его подбросило вверх, затем вниз – будто наступил конец света. Он открыл глаза и увидел прямо перед собой огромную голову. Сделал вдох, и легкие наполнились водой. Понял, что оказался в реке Арно, в толще воды маячила чья-то бородастая голова. Зачем-то попробовал дотянуться до нее, но не смог. В реку вливался огонь. Когда он выплыл на поверхность, вся река была объята пламенем.

Вечером, когда рассказал наконец свою историю Хане, она предположила:

– Они перестали пытаться тебя, потому что пришли союзники. Немцы спешно убегали из города, взрывая за собой мосты.

– Не знаю. Может быть, я им что-то сказал? Чья это была голова? Тогда, в комнате, где меня пытали, постоянно звонил телефон. Мой мучитель останавливался, наступала тишина, все замирали, слушая, как он отвечает по телефону. С кем он говорил? И чья это была голова?

– Они драпали, Дэвид.

Она открывает книгу «Последний из могикан» на последней чистой странице и начинает писать.

²⁴ Филиппе Брунеллески (1377–1446) – итальянский архитектор, скульптор, ученый. Работал во Флоренции.

На вилле появился еще один житель, которого зовут Дэвид Караваджо. Друг моего отца. Он мне всегда нравился. Старше меня, думаю, лет сорок пять. Он уже не такой, как раньше, потерял уверенность в себе. Странно, но я неравнодушна к другу отца.

Хана закрывает книгу, спускается в библиотеку и прячет ее на одной из верхних полок.

Англичанин уснул. Она слышала его тяжелое, прерывистое дыхание – он всегда дышал ртом, когда спал и когда бодрствовал. Встала со стула, подошла и осторожно вытащила из рук, сложенных на груди, зажженную свечу. Подойдя к окну, задула ее – так, чтобы дым вылетел в окно. Ей не нравилось, когда он лежал с зажженной свечой в руках, словно мертвый, – не замечая, как воск стекал на запястья. Казалось, он приготовился к смерти, и это была генеральная репетиция с настоящими декорациями.

Она стояла у окна, схватив себя за волосы, словно пыталась вырвать их. В темноте, даже если вскрыть вену, кровь будет черной.

Вдруг захотелось вырваться из этой комнаты. Охватило чувство клаустрофобии, беспокойство. Большими шагами Хана прошла по коридору, спустилась по ступенькам и оказалась на террасе, затем подняла голову и посмотрела вверх, как бы стараясь различить в окне фигуру девушки, от которой только что убежала. Вернулась к дому, толкнула тяжелую, разбухшую от влаги дверь и вошла в библиотеку. В дальнем конце комнаты сорвала доски с двустворчатых дверей и открыла их, впуская ночной прохладный воздух. Она не знала, где сейчас Караваджо. По ночам он обычно исчезал куда-нибудь, возвращаясь под утро. И теперь его нигде не было.

Резким рывком стащила серую простыню, которой был накрыт рояль, и пошла в другой угол комнаты, волоча за собой простыню, словно саван или сеть с уловом.

Кругом темнота. Вдалеке слышались раскаты грома.

Она стояла перед роялем. Глядя прямо перед собой, опустила руки на клавиши и стала играть, для начала только аккорды, понемногу вдыхая жизнь в инструмент. Она делала паузу после каждого аккорда, встряхивая руки, словно доставала их из воды, чтобы посмотреть, что поймала, затем продолжала, составляя аккорды в мелодию – неторопливо, медленно, еще медленнее. Она смотрела на клавиши и не сразу заметила, как двое мужчин в военной форме проскользнули через двустворчатую дверь, положили автоматы на край рояля и остановились перед ней. Музыка переполняла комнату.

Перебирая клавиши, нажимая босой ногой на медную педаль, Хана играла песню, которой научила ее мать. Тогда она тренировалась на кухонном столе, на стене, пока поднималась в комнату, на спинке кровати, прежде чем заснуть. У них не было пианино. По воскресеньям девочка ходила в Общественный центр и играла там, а всю неделю тренировалась дома. Мать рисовала ноты мелом на кухонном столе, потом вытирала... Хотя Хана жила на вилле уже три месяца и видела, что здесь есть рояль, она впервые играла на нем. В Канаде, чтобы пианино не рассохлось, внутрь ставили полный стакан воды, а через месяц вы открывали крышку и обнаруживали, что вода испарилась. Отец говорил, будто воду выпили гномы, которые любят пропустить глоток-другой – но не в барах, а в пианино, роялях, клавикордах, фисгармониях и клавесинах. Она не верила, но сначала думала, что воду выпивают мышки.

Ливень с грозой, похоже, опять пришел в долину на всю ночь. Сверкнула молния; в полосе света девушка увидела, что один из солдат был сикх²⁵. Она перестала играть, улыбнулась, почувствовав удивление и облегчение одновременно; вспышка молнии за их спинами была такой короткой, что Хана заметила только тюрбан на его голове и мокрые автоматы. Верхнюю крышку рояля давно сняли и использовали в качестве операционного стола, еще когда здесь был госпиталь, поэтому они положили автоматы на край выемки для кла-

²⁵ Сикхи – народ в Британской Ост-Индии, последователи сикхизма (самостоятельной религии, выделившейся из индуизма).

виатуры. Английский пациент наверняка определил бы вид оружия. Вот досада. Ее окружали только иностранцы. Ни одного настоящего итальянца. Любовная интрига на вилле. Что подумал бы Полициано, увидев эту живую картину 1945 года: двое мужчин и женщина за роялем, война почти закончена, на рояле лежат автоматы, которые сверкают влажным блеском, когда в комнату заглядывает молния и скользит по их металлической глади. Удары грома будоражат долину каждые полминуты, сплетаясь со звуками рояля... «Когда я приглашаю свою сладенькую к чаю...»

– Вы знаете слова?

Они не шелохнулись. Она перестала играть аккорды и пустилась выстраивать сложные лабиринты, акробатические пирамиды из того, что осталось в памяти, перебивая джазовыми фрагментами простенькие фразы незатейливой мелодии.

Когда я приглашаю свою сладенькую к чаю,
Все парни мне завидуют – чужие и друзья.
Поэтому мы никогда
Не ходим парюю туда.
Где плятятся, и ерзают, и лезут на глаза,
Когда я приглашаю свою сладенькую к чаю.

Их одежда промокла насквозь, но солдаты, казалось, забыли об этом, слушая, наблюдая при вспышках молний, как ее руки летают по клавишам, заполняя комнату звуками, то помогая, то противодействуя грому. У пианистки было такое серьезное лицо, что они понимали: она не здесь, а где-то далеко, видит мать, которая отрывает полоску газеты, смачивает ее и стирает со стола нарисованные мелом ноты. А потом она шла на воскресное занятие в Общественный центр, где играла на пианино, а ноги еще не доставали до педалей, поэтому она предпочитала играть стоя, нажимая ножкой в летней сандалиии на педаль в такт метроному.

Теперь трудно было остановиться, хотелось петь эту песню снова и снова. В памяти всплывали места, куда они ходили с отцом, поляны в ландышах. Она подняла голову и кивнула в знак того, что сейчас закончит играть.

Караваджо не присутствовал при этом. Вернувшись, увидел на кухне Хану и двух солдат. Они делали бутерброды.

III. А может, стану я огнем

Италия переживала последнюю средневековую войну в 1943 и 1944 годах²⁶. Немало крови было пролито на этой земле, настрадалась она от опустошительных нашествий. Но по-прежнему разрывают ее на части пришлые военные орды. Грозно громоздящимся на скалистых высотах городам-крепостям, немало повидавшим за свою историю начиная с восьмого века, пришлось снова испытать осады и атаки. Среди развороченных скал шел нескончаемый поток раненых, кровоточили изрубленные виноградники, а в глубокой колее от танковых гусениц можно было найти окровавленный топор и копье – свидетелей трагедии, разыгравшихся на этой многострадальной земле много сотен лет назад. И так везде – в Монтерчи, Нортоне, Урбино, Ареццо, Сансеполькро, Анжиари. И на побережьях.

Англичане, американцы, индусы, австралийцы и канадцы продвигались на север под черным небом, потемневшим от дыма взрывов. Когда армии соединились у Сансеполькро, города, знаменитого своими арбалетами, некоторым солдатам удалось раздобыть их, и по ночам они тайно пускали стрелы через стены осажденного города. Генерал-фельдмаршал Кессельринг²⁷ всерьез подумывал о том, что придется лить кипящее масло с зубчатых стен.

Ученые мужи из оксфордских колледжей, занимающиеся Средневековьем, были привезены сюда, в Умбрию²⁸. Их средний возраст – около шестидесяти, и, расквартированные вместе с солдатами, они никак не могли привыкнуть к военным приказам. Услышав команду «Воздух!», продолжали стоять, забывая о том, что аэроплан уже давно изобретен и может нести опасность. Далекие от реального мира, они жили в своем, средневековом, воспринимая названия местностей и городов на театре военных действий с точки зрения их художественной и исторической ценности. В Монтерчи, например, их больше интересовало то, что в часовне рядом с городским кладбищем находится знаменитая «Мадонна дель Парто» кисти Пьеро делла Франческа, чем то, что здесь будет сражение. Во время весенних дождей, когда наконец этот укрепленный город, ведущий свою биографию с тринадцатого века, был взят, под высоким куполом церкви разместились на ночлег солдаты; они спали у кафедры из камня – там, где изображен Геркулес, убивающий Гидру. У солдат были проблемы с водой, многие умирали от тифа и других болезней. В готической церкви Ареццо, рассматривая в полевые бинокли фрески кисти Пьеро делла Франческа²⁹ на потолке, солдаты видели у персонажей лица обыкновенных людей: царица Савская, беседующая с царем Соломоном, а рядом – мертвый Адам с веточкой древа познания Добра и Зла во рту. Через много лет царица поймет, что мост через Силоам был выстроен из ветвей этого священного дерева. Постоянно шли дожди, было холодно. Во всем царил хаос, и только на этих полотнах все подчинялось вечным правилам: наказание, послушание и жертвоприношение. Восьмая армия форсировала реки, где были разрушены мосты. Впереди шли саперы, которые под непрерывным огнем противника спускались по веревочным лестницам к воде и переплывали реки или переходили вброд. Бывало, что еду и палатки смывало водой, а кто-то рядом, обвязан-

²⁶ Заключив военный союз с гитлеровской Германией, Италия под руководством фашистской партии во главе с дуче (вождем) Бенито Муссолини вступила во Вторую мировую войну в 1940 г. В июле – августе 1943 г. англо-американские войска высадились на острове Сицилия, после чего 3 сентября Италия подписала акт о капитуляции, но была оккупирована Германией. В 1945 г. действиями движения Сопротивления и англо-американских войск была освобождена, дуче захвачен партизанами и расстрелян.

²⁷ Альберт Кессельринг (1885–1960) – немецкий военачальник. Во Вторую мировую войну командовал воздушным флотом во время агрессии против Польши, Франции и СССР, а с декабря 1941 года по май 1945-го – главнокомандующий войск Юго-Запада (Средиземноморье, Италия) и Запада (Западная Германия).

²⁸ Область Италии; центр – Перуджа.

²⁹ Пьеро делла Франческа (ок. 1420–1492) – итальянский живописец, представитель Раннего Возрождения. Здесь речь идет о его фресках в церкви Сан-Франческо, созданных в 1452–1466 гг.

ный проводами, вдруг исчезал в брызгах от взрыва. Однажды, переплыв реку, они пытались выбраться из воды.

Вцепившись руками в вязкую илистую стену скалистого берега, повисли, желая лишь одного – чтобы ил затвердел и удержал их.

Прислонившись щекой к грязному илу, молодой сапер-сикх вспоминал лицо царицы Савской и представлял, что прикасается сейчас к ее нежной щеке. Только такое желание могло согреть его в холодной воде. Он снял бы вуаль с ее волос и положил руку ей на грудь. Ему тоже было тяжело и грустно, как мудрому царю и провинившейся царице, которых он видел на фресках в Ареццо две недели назад.

Солдат висел над водой, вцепившись пальцами в грязный илистый берег. За дни и ночи войны, пока выполняли приказы, они потеряли свою индивидуальность; это тонкое понятие осталось жить только в книгах или на фресках. И неизвестно, кому было тяжелее под куполом той церкви. Солдат потянулся вперед, чтобы прикоснуться к ее хрупкой шее. Он влюбился в ее потупленный взгляд – взгляд женщины, которая однажды познает святость мостов.

По ночам, лежа в гамаке, он протягивает руки, не ожидая обещаний или решений, но заключая временный договор с царицей, чье лицо было изображено на фреске и которое он не может забыть. А она забудет и никогда не вспомнит о его существовании. Кто он для нее? Какой-то сикх, прилепившийся к веревочной лестнице и мокнувший под дождем, возводя мост, по которому пройдут войска. Но он запомнил фреску и ее лицо. И когда через месяц, вынеся все тяготы боев и оставшись в живых, батальоны вышли к Адриатическому морю, заняв прибрежный городок Каттолика, инженерные подразделения очистили полосу берега от мин, и солдаты смогли раздеться и выкупаться в море, сикх разыскал профессора, специалиста по истории Средних веков, который когда-то дружески отнесся к нему – просто поговорил и поделился американскими консервами – и в ответ на его доброту пообещал показать нечто интересное.

Сапер выкатил трофейный мотоцикл и надел на руку повязку темно-малинового цвета. Старик сел сзади, крепко обхватив его за плечи, и они поехали в обратном направлении – через города Урбино и Анжиари, которые казались сейчас мирными и спокойными. Двигались вдоль извилистого гребня горы, которая проходила по Италии с севера на юг, затем спустились по ее западному склону до Ареццо. Площадь ночью была пуста. Сапер поставил мотоцикл перед церковью. Помог профессору слезть, собрал свое оборудование, и они вошли в церковь. Здесь было темно и холодно. Звук шагов гулко отдавался в просторном зале. Он снова вдохнул запах камня и дерева, зажег осветительный патрон и подвесил блоки тали к колоннам над нефом, затем выстрелом вогнал рым с продетой в него веревкой в деревянную балку под потолком. Профессор с удивлением наблюдал, время от времени вглядываясь вверх, в темноту. Молодой сапер обошел вокруг старика, обвязал его веревкой вокруг талии и по плечам, приладил к груди маленький зажженный патрон, а сам, грохоча ботинками, побежал по ступенькам наверх, где был другой конец веревки. Схватившись за нее, спрыгнул вниз, в темноту, при этом старик взлетел вверх. Сапер, коснувшись пола, начал медленно натягивать веревку, так что профессор смог рассматривать фрески с расстояния менее метра. Осветительный патрон создавал вокруг его головы сияние, подобное нимбу. Все еще держа и натягивая веревку, сапер медленно шел вперед, пока ученый не оказался перед фреской «Бегство императора Максентия».

Через пять минут он опустил профессора, потом зажег еще один патрон и сам поднялся вверх, под купол, к синеве нарисованного неба и золотым звездам, которые запомнил раз и навсегда с того момента, когда увидел их в полевой бинокль. Взглянув вниз, увидел усталого профессора на скамье. Сейчас он ощутил не высоту, а глубину церковного здания, ее

прозрачность, пустоту и темноту колодца. Осветительный патрон брызгал искрами, словно волшебная палочка.

Сикх устанавливает палатку в глубине сада – на том месте, где, по твердому убеждению Ханы, когда-то росла лаванда. Она нашла там сухие листья, растерла их в ладонях и определила по запаху, что это лаванда. Иногда после дождя она слышит слабый аромат лаванды, исходящий от земли.

Сначала солдат совсем не бывает в доме, лишь проходит мимо, отправляясь по своим делам: на обезвреживание очередной бомбы или минного поля. Всегда вежлив. Легкий кивок головы. Хана смотрит, как он моется над тазиком с дождевой водой, аккуратно поставленным на солнечные часы. Водопровод, который в мирное время использовался для полива грядок с рассадой, не работает. Она видит обнаженное коричневое тело, когда он льет на себя воду. Днем ей заметны только руки в армейской рубашке с короткими рукавами и автомат, с которым он не расстается даже сейчас, когда военные действия для них уже, кажется, закончились.

Иногда принимает различные позы с автоматом, явно любясь собой: то немного опустит его, то повернет локтем, повесив на плечи. Почувствовав, что девушка наблюдает, сикх-сапер резко оборачивается. Он еще не избавился от своей настороженности, останавливается перед всем, что кажется подозрительным.

Его самоуверенность действует успокаивающе не только на нее, но и на всех в этом доме – даже на Караваджо, хотя дядюшка Дэвид часто ворчит по поводу того, что сапер постоянно напевает американские песенки из вестернов, которые выучил за три года войны. Другой сапер, который появился вместе с ним, Харди, расквартирован ближе к городу, но она видела, что работают они вместе, иногда заходя в сад с миноискателями.

Собака привязалась к Караваджо. Молодой сапер иногда бегает с ней по аллее, но дальше этого его вежливость не идет. Он не кормит собаку, будучи убежденным, что она сама должна найти пропитание. Ночью иногда спит у парапета, выходящего на долину, заходя в палатку, только когда идет дождь.

Он, в свою очередь, видит, как Караваджо бродит по ночам, и пару раз идет за ним на расстоянии. Но однажды Караваджо останавливает его и говорит: «Не следи за мной». Сикх начинает отрицать это, но пожилой мужчина успокаивает его, приложив руку к его губам; солдат понимает, что Караваджо видел его и в позапрошлую ночь. В любом случае слежка была просто остатком привычек, которым научила война, – таким же, как желание метко пальнуть из автомата по цели. Время от времени он целится в нос скульптуры в саду или в одного из коричневых ястребов, парящих в небе над долиной.

В душе он все еще мальчишка: с жадностью набрасывается на еду, потом так же порывисто вскакивает, чтобы почистить и убрать тарелку, позволяя себе только полчаса на ланч.

Она наблюдала его за работой в саду, когда он шел с миноискателем между деревьями – осторожно и медленно, словно кот, подбирающийся к добыче. Когда он пьет чай, сидя напротив за столом, девушка обращает внимание на загорелую кожу его запястья, на котором позвякивает тонкий браслет – «кара».

Он никогда не рассказывает об опасности, которая подстерегает на каждом шагу. Время от времени, услышав грохот взрыва, они с Караваджо выскакивают из дома, при этом сердце замирает от страха. Иногда она подбегает к окну, замечает, что Караваджо уже на улице, и вместе они видят сапера, который работает на террасе, увитой зеленью. Он слишком занят, чтобы повернуться к ним, но, зная, что они видят его, просто машет рукой в знак того, что с ним все в порядке.

Однажды Караваджо зашел в библиотеку и увидел солдата под потолком, где в углу над бордюром тот обнаружил ловко устроенную очередную мину-ловушку и уже перерезал

проволочку взрывателя. У Караваджо была профессиональная привычка сразу охватывать взглядом всю комнату, от пола до потолка; молодой сапер, не сводя взгляда со взрывного устройства, вытянул ладонь и щелкнул пальцами, останавливая человека, предупреждая об опасности и давая знак выйти из комнаты.

Он все время что-то мурлычет или насвистывает, особенно когда лежит на парапете, глядя в небо на проплывающие облака. «Кто это свистит?» – как-то спрашивает английский пациент. Он еще не знает, что у них появился еще один житель, не видел его.

Сикх всегда шумно входит на кажущуюся пустой виллу. Только он один из ее обитателей носит военную форму. Рано утром появляется из палатки: опрятный, ботинки начищены до блеска, тюрбан симметрично сидит на голове, пуговицы и пряжки блестят – и отправляется на работу. Когда миноискатель обнаруживает монету, молодой сапер забывает об опасностях и громко хохочет. Кажется, бессознательно любит свое тело, когда наклоняется, чтобы поднять упавший кусок хлеба, проводя по траве костяшками пальцев, или когда рассеянно вертит автоматом, словно огромной булавой, шагая в деревню по дороге, обсаженной кипарисами, чтобы встретиться с другими саперами.

В компании, собравшейся на вилле, он кажется временным гостем, словно оторвавшаяся звезда на краю Галактики. Для него это похоже на отпуск после войны, грязи, рек и мостов. Заходит в дом, только если его приглашают, чувствуя себя здесь случайным гостем – как в ту ночь, когда, услышав неуверенные звуки рояля, прошел по аллее под кипарисами и проник в библиотеку.

В ту ночь, когда была страшная гроза, он зашел на виллу не из желания посмотреть, кто играет, а потому что представлял, какая опасность грозит пианисту. При отступлении немцы начинали все вокруг взрывчаткой, и музыкальные инструменты были излюбленным местом, где ставились так называемые карандашные мины. Возвратившаяся домой и ничего не подозревающая хозяйка открывала пианино, и ей отрывало кисти рук. Или пытались заводить дедушкины высокие напольные часы – и неожиданная вспышка с грохотом разворачивала полстены и убивала всех, кто стоял рядом.

Поэтому, услышав звуки музыки, они с Харди бросились вверх по холму, перелезли через каменную стену и появились на вилле. Пока звучит музыка, можно быть уверенным, что пианист не наклонился вперед и не выдернул тонкую металлическую струнку, приводя в действие метроном. Как правило, именно там и устанавливали карандашные мины – самое легкое место, где можно вертикально припаять тонкий проводок, несущий смерть. А вообще ловушки можно было встретить повсюду: в водоразборных кранах, в корешках книг, в просверленных в стволах деревьев отверстиях – так, что если яблоко падало на нижнюю ветку или вы хватались за нее рукой, дерево взрывалось. Он уже не мог спокойно смотреть на комнату или поле: автоматически искал и оценивал возможности спрятать там мины.

Солдат постоял у двустворчатой двери, прислонившись головой к косяку, потом проскользнул в темноту комнаты и оставался незамеченным, время от времени освещаемый молниями. Охватил комнату взглядом, словно лучом радара, и увидел девушку, которая стояла у рояля, как бы ожидая его, и играла, сосредоточенно глядя на клавиши. Метроном уже тикал, невинно помахивая стрелкой взад-вперед. Значит, не было тонкого проводка, не было опасности. И он стоял там, в промокшей форме, а девушка сначала и не заметила вторжения.

Над его палаткой висит антенна от детекторного приемника, переброшенная через ветки деревьев. Ночью, взяв полевой бинокль Караваджо, она видит в палатке сапера светящийся в темноте диск шкалы настройки, иногда заслоняемый тенью человека. Днем он постоянно носит приспособление из одного наушника на голове, а другого – под подбородком, так что не теряет связь с миром и бывает в курсе всех важных событий. Иногда захо-

дит в дом и сообщает новость, которую считает достойной их внимания. Например, от него узнали, что Гленн Миллер погиб в авиакатастрофе где-то между Англией и Францией³⁰.

Чаще она видит его на расстоянии, в заброшенном саду, который он очищает от мин. Сапер медленно идет по нему или приседает, чтобы распутать клубок проводов, который кто-то оставил, словно ужасное письмо.

Он постоянно моет руки. Сначала Караваджо думает, что солдат слишком привередлив.

– А как же ты терпел во время войны? – смеется Караваджо.

– Я вырос в Индии, дяденька. Моя родина – Пенджаб. Там моют руки все время. Перед едой. Это традиция.

– А я родом из Северной Америки, – задумчиво говорит она.

Он спит то в палатке, то в саду. Она видит, что сапер снял наушники и положил на колени.

Тогда Хана опускает бинокль и отходит от окна.

Они были под громадным сводом Сикстинской капеллы. Сержант зажег осветительный патрон, а сапер лежал на полу и смотрел через автоматный прицел вверх, на бледные, коричнево-желтые лица святых на фресках, словно хотел отыскать брата в толпе. Тусклый свет падал на раскрашенные одежды святых и тела, которые за сотни лет потемнели от копоти масляных плашек и свечей; сейчас их убивает этот желтый дым от осветительного патрона. Солдаты знали: нужно быть благодарными за возможность войти сюда, в это святилище. Но верили, что заслужили такое право. Преодолев береговые плацдармы и тысячу перестрелок в малых сражениях, бомбежку в Монте-Кассино, семнадцать солдат пришли сюда, в молчаливое благолепие залов, расписанных кистью Рафаэля³¹. Их высадили в Сицилии, они с боями прошли на север, вверх по итальянскому сапогу, чтобы оказаться здесь, в этом темном зале. Это было наградой.

Один из них спросил: «Черт, может, прибавим света, сержант Шанд?» И сержант зажег осветительный патрон, поднял над головой и держал этот водопад льющегося желтого света, пока тот не иссяк. Остальные стояли, высоко подняв головы, рассматривая лица и фигуры на фресках. А молодой сапер лежал на спине, почти касаясь глазами через прицел бороды Ноя, и бороды Авраама, и разных демонов – пока не дошел до великого лица, с пронзающим, словно копье, взглядом; мудрого и не прощающего.

Он слышал крики у входа и звук торопливых шагов. Осветительный патрон будет гореть еще тридцать секунд. Повернулся и передал автомат священнику.

– Вон там. Кто это? Быстрее, патрон уже догорает.

Священник осторожно принял оружие, словно ребенка, направил его к сводам, но патрон погас.

Он вернул автомат сикху.

– Знаете, здесь, в Сикстинской капелле, надо быть очень осторожным с огнем, иначе я бы не пришел сюда. И должен поблагодарить сержанта Шанда: он героически справился с этим. Думаю, дым не причинит фрескам особого вреда.

– Вы видели то лицо? Кто это?

– О да, это великое лицо.

– Значит, вы видели его?

– Да, это Исая.

³⁰ Явный анахронизм. Музыкант и руководитель джаз-оркестра, снявшегося в фильме «Серенада Солнечной долины», погиб в 1944 г.

³¹ Итальянский художник и архитектор Рафаэль Санти (1483–1520) расписывал в 1509–1517 гг. станцы (комнаты), а в 1519 г. (с учениками) – лоджии Ватикана. Автор росписей свода с люнетами и распалубками (1508–1512) и алтарной стены («Страшный суд», 1536–1541) Сикстинской капеллы – Микеланджело.

Когда Восьмая армия дошла до Габичче на восточном побережье, сапер был начальником ночного патруля. Во вторую ночь дежурства получил по рации сигнал: в воде замечено какое-то движение. Они сделали предупредительный выстрел. Вода взорвалась тысячами брызг. Они никого не уничтожили, но при вспышке выстрела он заметил темные очертания движущегося предмета. Он поднял автомат и держал предмет на мушке целую минуту, решив пока не стрелять и проверить, будет ли движение поблизости. Немцы все еще удерживались на севере, в Римини, на краю города. В прицеле он увидел темную фигуру, словно выходящую из моря. Над головой у нее вдруг засветился нимб. Это была Дева Мария.

Она стояла в лодке. Двое мужчин гребли, двое других поддерживали скульптуру. Лодка причалила к берегу, и мужчины вынесли скульптуру на берег. Жители стали аплодировать им из темных квадратов открытых окон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.